SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Мария Ватсон
  -
  - Введение
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Мария Ватсон
Данте. Его жизнь и литературная деятельность

Биографический очерк М. В. Ватсон

С портретом Данте, гравированным в Лейпциге Геданом

Введение

Биографические сведения о Данте очень и очень скудны. Главным источником и пособием для биографа гениального творца «Божественной Комедии» являются прежде всего собственные его сочинения: сборник «Vita Nuova» («Новая Жизнь») и его великая поэма. Тут можно проследить ход внутреннего его развития и почерпнуть много внешних фактов.

Первым биографом Данте был известный автор «Декамерона» Боккаччо. Его жизнеописание – один из важнейших источников, которым пользовались позднейшие биографы. Но так как яркое воображение блестящего рассказчика часто увлекает его за пределы исторической истины, так как наряду с действительными фактами у него встречаются разные неточности, непроверенные слухи и так далее, то его сочинением приходится пользоваться с крайней осторожностью. Биография Леонардо Бруни, написанная в первой половине XV века, рассматривает Данте с точки зрения политической – как политического деятеля. К началу XV же столетия относится и биография Филиппа Виллани, составленная большей частью по Боккаччо; впрочем, автор имеет и свой самостоятельный критический взгляд. Затем идет целый ряд биографий, комментариев и критических сочинений, из которых уже в нынешнем (XIX. – *Ред.)* столетии отметим труд Чезаре Бальбо, признаваемый итальянцами за истинно национальное произведение, и прекрасные критические статьи о Данте Франческо Санктиса, самого талантливого итальянского критика, – статьи, много способствовавшие лучшему пониманию гениального поэта на его родине. Известный поэт Уго Фосколо, сам занимающий почетное место в итальянской литературе, в своем сочинении о Данте превозносит его не только как великого поэта, но и как великого гражданина, политического деятеля и провозвестника лучших времен. В эпоху столь успешно окончившейся борьбы Италии за свою независимость и единство величавая поэма сурового флорентийца не только считалась великим произведением искусства, но служила и народным знаменем, вокруг которого собирались просвещенные и ревностные патриоты.

И за пределами Италии литература о Данте достаточно хорошо разработана и весьма богата: в Англии, во Франции и особенно в Германии. Здесь среди многих других сочинений имеют важное значение «Dante-Forschungen» Витте, который к тому же превосходно перевел в стихах и всю «Божественную Комедию». В числе прочих современных немецких исследователей

Данте и работ о нем отметим Франца Вегеле и его книгу «Dante Alighieris Leben und seine Werke», Скартаццини и его объемистое сочинение «Dante Alighieri, seine Zeit, sein Leben und seine Werke» и, наконец, труд Адольфа Гаспари «Итальянская литература в средние века» («Italiariische Litteratur im Mittelalter»). Книга эта, появившаяся в 1885 году, содержит прекрасную, с использованием новейших исследований написанную статью о Данте, которой мы и будем главным образом придерживаться в нашем очерке.

Глава I

Предки Данте. – Скудость известий о первых годах развития. – Брунетто Латини. – Друзья Данте в литературном, художественном и музыкальном кругах. – Первая исключительная любовь. – Две встречи с Беатриче. – Смерть Беатриче. – Отчаяние поэта. – Утешение в занятиях философией. – Вторая любовь. – Борьба и победа памяти Беатриче. – Любовь Данте к некоей Пьетра. – Женитьба на Джемме Донати.

Если уж так мало известна жизнь самого Данте, то, конечно, еще большим туманом покрыта история его предков. Верно лишь то, что поэт происходил если не из знатного и богатого флорентийского рода, то все же из достаточной семьи, на прошлое которой он смотрел с некоторой гордостью. Одному из своих предков, Каччагвида, поэт поставил памятник в «Божественной Комедии». Этот Каччагвида – первый документально установленный предок Данте – родился в 1106 году, участвовал в 1147 году в неудачном крестовом походе Конрада III, был в Святой Земле возведен в рыцарское достоинство в награду за храбрость и, не увидев Иерусалима, погиб в сражении с мусульманами. Жена Каччагвиды происходила из семьи Альдигьери, или Алигьери, родом, по-видимому, из Феррары, и от нее-то фамилия и перешла на ее потомство. Старший ее сын, названный Алагиери, был прадедом Данте и имел сына Беллинчоне, а сын этого последнего, тоже Алагиери, был отцом поэта. Предки Данте принадлежали к партии гвельфов. Отцу и деду его пришлось два раза претерпеть изгнание вместе со своей партией.

В последний раз изгнанники вернулись во Флоренцию в 1267 году. Неизвестно точно, вернулся ли отец Данте раньше других или же мать поэта, донна Бела, возвратилась во Флоренцию одна; но достоверно лишь то, что Данте родился во Флоренции в конце мая 1265 года и был крещен здесь в церкви Сан-Джованни. Ему дали имя Дуранте, сокращенно Данте: последнее так и осталось за ним. О родителях Данте нельзя сказать многого, – о них нет почти никаких сведений. По-видимому, поэт рано потерял свою мать; имела ли она на сына то глубокое нравственное влияние, о котором свидетельствуют некоторые его биографы, покрыто мраком. Подобные утверждения вызваны, нужно думать, скорее всего тем весьма распространенным фактом, что у большинства гениальных писателей были замечательные матери. Сам Данте нигде в своих произведениях не упоминает о своих родителях.

Итак, жизнь семьи, в которой родился и вырос поэт, влияние домашнего воспитания на умственное и духовное развитие его составляют полнейший пробел в биографии Данте. Так же мало известно и о том, где и как он учился; но факт тот, что он в своих сочинениях предстает перед нами человеком самого разностороннего и глубокого знания, усвоившим все научные сведения, доступные тому времени. Многое – вероятно, наибольшую долю своего духовного богатства – он приобрел сам, без посторонней помощи: гений обыкновенно бывает собственным своим учителем и воспитателем. Об одном лишь учителе Данте, а именно о Брунетто Латини, известно со слов биографов, и больше всего на основании следующих строк о нем самого Данте в «Божественной Комедии»:

> Я впечатлел в душе своей навек
> Ваш добрый вид, отеческий, бесценный,
> Познав от вас, чем может человек
> Достичь бессмертия в сей жизни тленной.
> И как ценю я вас, пока дышу,
> Мои уста поведают вселенной…

(Перевод Мина).

Но, конечно, Брунетто Латини не был учителем Данте в обыкновенном смысле: вероятно, их соединяли скорее дружеские отношения. Брунетто Латини влиял на Данте своими сочинениями, своим словом; быть может, последний слушал его в Болонском университете. Он был также учителем Гвидо Кавальканти, лучшего друга Данте и весьма известного поэта той эпохи. Сам Брунетто – тоже поэт – преимущественно прославился своею ученостью: кто больше знал, тем тогда больше и восхищались. Поэтические сборники его – «Tesoro» и «Tesoretto» [1] – долгое время вызывали всеобщее удивление тем, что человек мог усвоить столько научных сведений и излагать в стихах Аристотеля и Птолемея. Но теперь никто не знал бы ничего о Брунетто Латини, если бы Данте не увековечил и человека, и книгу в известных строках:

> "…Sieti raccommandato il mio tesoro, nel quale io vivo ancora…»

Родился Брунетто Латини в 1220, умер в 1294 году. Будучи гвельфом, он после победы, одержанной гибеллинами в сражении

при Арбии, принужден был удалиться во Францию. Оттуда он вернулся во Флоренцию в 1269 году, где снова занимал должность государственного секретаря республики и другие видные посты, причем везде высоко ценился за талант и ученость. Его «Tesoro» – род энциклопедии, трактующей о различных предметах на французском, а неоконченное «Tesoretto» – первая аллегорически-дидактическая поэма на итальянском языке. Брунетто Латини, очевидно, положил основание энциклопедическому и классическому образованию Данте. Но греческий язык, как и все современники его, Данте знал плохо, что доказывают некоторые его неверные цитаты. Греческий язык не входил тогда в круг преподавания. Нужно полагать, что Данте любил рисование и музыку. Пластическое его чутье явствует, по замечанию Боккаччо, из наглядности его изображений.

Друзей молодости Данте находил в художественной, музыкальной и литературной среде. Так, например, Каселла, тогдашний известный певец, был, по-видимому, очень дружен с Данте, так как даже в «Чистилище» Каселла, встретившись с поэтом, уверяет его в своей любви, а Данте вспоминает о пении его, которое «утоляло в нем всякие горести». Данте был также дружен с художником Чимабуэ, с известным в то время миниатюристом Одеризи и с Джотто, этим реформатором итальянской живописи. Существует прекрасный портрет молодого Данте, срисованный с него Джотто, вероятно, в период времени между 1290—1295 годами и только недавно, в 1840 году, открытый на стене часовни Del Podesta во Флоренции. Близкими друзьями Данте были поэты Лапо Джанни, Чино да Пистойя и в особенности Гвидо Кавальканти. С Чино да Пистойя, который был моложе Данте на пять лет, известным юристом и одним из лучших лириков того времени, впоследствии учителем Петрарки, Данте, вероятно, сошелся позже, во время своего изгнания. Основатель новой флорентийской поэтической школы, непосредственный предшественник и впоследствии лучший друг творца «Божественной Комедии», Гвидо Кавальканти был, по-видимому, значительно старше и уже известный поэт в то время, когда Данте только вступил на литературное поприще. Он соединял в себе рыцарские качества флорентийского дворянина-воина с любовью к науке; его считали глубоким мыслителем. Он открыл новый путь к усовершенствованию поэтического языка и обогатил лирику новыми сюжетами и мотивами. В творчестве Гвидо Кавальканти мы находим элементы древней истории, мифологии и философский взгляд на любовь.

Наиболее выдающимся, главенствующим событием молодости Данте стала любовь его к Беатриче. Впервые увидел он

ее, когда оба они еще были детьми: ему было девять, ей – восемь лет. «Юный ангел», как выражается поэт, предстал перед его глазами в наряде, приличествующем ее детскому возрасту: Беатриче была в одеждах «благородного» красного цвета, на ней был пояс, и она, по словам Данте, стала сразу «владычицей его духа». «Она показалась мне, – говорил поэт, – скорее дочерью Бога, нежели простого смертного». «С той самой минуты, как я ее увидел, любовь овладела моим сердцем до такой степени, что я не имел силы противиться ей и, дрожа от волнения, услышал тайный голос: „Вот божество, которое сильнее тебя и будет владеть тобою“.»

Десять лет спустя Беатриче является ему снова, на этот раз вся в белом. Она идет по улице в сопровождении двух других женщин, поднимает на него взор и, благодаря «неизреченной своей милости», кланяется ему так скромно-прелестно, что ему кажется, что он узрел «высшую степень блаженства». Опьяненный восторгом, поэт бежит шума людского, уединяется в своей комнате, чтобы мечтать о возлюбленной, засыпает и видит сон. Проснувшись, он излагает его в стихах. Это – аллегория в форме видения: любовь с сердцем Данте в руках несет в то же время в объятиях «уснувшую и укутанную вуалью даму». Амур будит ее, дает ей сердце Данте и потом убегает, плача. Этот сонет восемнадцатилетнего Данте, в котором он адресуется к поэтам, спрашивая у них объяснения своему сну, обратил на него внимание многих, между прочим Гвидо Кавальканти, от души поздравившего нового поэта. Таким образом было положено начало их дружбе, никогда не ослабевавшей с тех пор. В первых своих поэтических произведениях, в сонетах и канцонах, окружающих ярким сиянием и поэтическим ореолом образ Беатриче, Данте превосходит уже всех своих современников силой поэтического дарования, умением владеть языком, а также искренностью, серьезностью и глубиной чувства. Хотя он тоже еще придерживается прежних условных форм, но зато содержание новое: оно пережито, оно идет из сердца. Впрочем, Данте скоро отказался от старых форм и манер и пошел по другому пути. Традиционному чувству поклонения Мадонне трубадуров он противопоставил реальную, но духовную, святую, чистую любовь. Сам он считает «могучим рычагом» своей поэзии правду и искренность своего чувства. История любви поэта очень проста. Все события – самые незначительные. Беатриче проходит мимо него по улице и кланяется ему; он встречает ее неожиданно на свадебном торжестве и приходит в такое неописуемое волнение и смущение, что присутствующие и даже сама Беатриче трунят над ним и друг должен увести его оттуда. Одна из подруг Беатриче

умирает, и Данте сочиняет по этому поводу два сонета; он слышит от других женщин, как сильно Беатриче горюет о смерти отца… Вот каковы события; но для такого высокого культа, для такой любви, на которую было способно чуткое сердце гениального поэта, это целая внутренняя повесть, трогательная по своей чистоте, искренности и глубокой религиозности.

Эта столь чистая любовь робка, поэт скрывает ее от посторонних глаз, и чувство его долгое время остается тайной. Чтобы не дать чужим взорам проникнуть в святилище души, он делает вид, будто влюблен в другую, пишет ей стихи. Начинаются пересуды, и, по-видимому, Беатриче ревнует и не отвечает на его поклон.

Некоторые биографы еще не так давно сомневались в действительном существовании Беатриче и хотели считать ее образ просто аллегорией, никак не связанной с реальной женщиной. Но теперь документально доказано, что Беатриче, которую Данте любил, прославил, оплакивал и в которой видел идеал высшего нравственного и физического совершенства, несомненно историческая личность, дочь Фолько Портинари, жившая по соседству с семейством Алигьери. Она родилась в апреле 1267 года, в январе 1287 года вышла замуж за Симона деи Барди, а 9 июня 1290 года умерла двадцати трех лет, вскоре после отца.

О своей любви Данте повествует сам в «Vita Nuova» («Новая жизнь»), сборнике, где проза перемешана со стихами, который был посвящен поэтом Гвидо Кавальканти. По словам Боккаччо, это первое сочинение Данте, – заключающее в себе полную историю любви поэта к Беатриче до ее кончины и далее, – написано им вскоре после смерти возлюбленной, раньше, чем он осушил слезы о ней. Назвал он свой сборник «Vita Nuova», как некоторые полагают, потому, что через эту любовь для него настала «новая жизнь». Милая его – для Данте олицетворение идеала, нечто «божественное, явившееся с неба, чтобы уделить земле луч райского блаженства», «царица добродетели». «Облеченная в скромность, – говорит поэт, – сияя красотой, шествует она среди похвал, будто ангел, сошедший на землю, чтобы явить миру зрелище своих совершенств. Ее присутствие дает блаженство, разливает отраду в сердцах. Кто ее не видел, не может понять всей сладости ее присутствия». Данте говорит, что, украшенная благодатью любви и веры, Беатриче пробуждает и в других те же добродетели. Мысль о ней дает поэту силу побеждать в себе любое нехорошее чувство; ее присутствие и поклон мирят его со вселенной и даже с врагами; любовь к ней отвращает ум от всего дурного.

Под одеждой ученого у Данте бьется сердце чистое, юное, чуткое, открытое всем впечатлениям, склонное к обожанию и к отчаянию; он одарен пламенным воображением, возносящим его высоко над землей, в царство мечты. Любовь его к Беатриче отличается всеми признаками первой юношеской любви. Это духовное, безгрешное поклонение женщине, а не страстное к ней влечение. Беатриче для Данте более ангел чем женщина; она словно на крыльях пролетает через этот мир, едва касаясь его, пока не возвращается в лучший, откуда явилась, и потому любовь к ней – «дорога к добру, к Богу». Эта любовь Данте к Беатриче осуществляет в себе идеал платонической, духовной любви в высшем ее развитии. Те не понимали этого чувства, которые спрашивали, почему поэт не женился на Беатриче. Данте не стремился к обладанию возлюбленной; ее присутствие, поклон – вот все, чего он желает, что наполняет его блаженством. Один только раз, в стихотворении «Гвидо, я желал бы…», фантазия увлекает его, он мечтает о сказочном счастье, о том, чтобы уехать с милой далеко от холодных людей, остаться с ней среди моря в лодке, лишь с немногими, самыми дорогими, друзьями. Но это прекрасное стихотворение, где подымается мистический покров и милая становится близкой, желанной, Данте исключил из сборника «Vita Nuova»: оно явилось бы диссонансом в общем его тоне.

Можно было бы думать, что Данте, поклоняясь Беатриче, вел недеятельную, мечтательную жизнь. Вовсе нет, – чистая, высокая любовь лишь дает новые, изумительные силы. Благодаря Беатриче, говорит нам Данте, перестал он быть обыденным человеком. Он начал рано писать, и стимулом его писательства стала она. «У меня не было другого учителя в поэзии, – сообщает он в „Vita Nuova“, – кроме себя и самой могучей наставницы – любви». Вся лирика «Vita Nuova» проникнута тоном глубокой искренности и правды, но истинная муза ее – скорбь. И действительно, краткая история любви Данте имеет редкие проблески ясной, созерцательной радости; смерть отца Беатриче, ее печаль, предчувствие ее смерти и смерть – все это трагические мотивы. Предчувствие смерти Беатриче проходит через весь сборник. Уже в первом сонете, в первом видении короткое веселье Амура превращается в горький плач, Беатриче несут к небу. Потом, когда ее подругу похищает смерть, блаженные духи выражают желание скорее увидеть Беатриче в своей среде. Отец ее, Фолько Портинари, умирает. В душе поэта тотчас же рождается мысль, что и она умрет. Немного времени проходит – и его предчувствие сбывается: вскоре после смерти отца и она следует за ним в могилу. Данте увидел ее во сне уже мертвой,

когда женщины накрывали ее флером. Беатриче умирает потому, что «эта скучная жизнь недостойна такого прекрасного существа», говорит поэт, и, вернувшись к славе своей на небо, она становится «духовной, великой красотой» или, как Данте выражается в другом месте, «интеллектуальным светом, исполненным любви».

Когда Беатриче умерла, поэту было 25 лет. Смерть милой была для него тяжелым ударом. Горе его граничит с отчаянием: он сам желает умереть и только в смерти ждет себе утешения. Жизнь, родина – все вдруг обратилось для него в пустыню. Как о потерянном рае плачет Данте об умершей Беатриче. Но натура его была слишком здоровая и сильная для того, чтобы он погиб от горя. От великой своей скорби поэт ищет успокоения в занятиях наукой: он изучает философию, посещает философские школы, ревностно читает Цицерона и всего более – последнего представителя культуры древнего мира, Боэция, который переводом своим и истолкованием греческих философских произведений, в особенности «Логики» Аристотеля, сделал доступной следующим поколениям часть эллинского мышления и оставил им сочинение «De Consolatìone Philosophiae» [2], столь высоко ценимое Средними веками. Боэций написал эту книгу в тюрьме, незадолго до казни, и рассказывает в ней, как в то время, когда он изнывал под тяжестью своего положения и готов уже был впасть в отчаяние, его посетило светлое видение: он увидел Философию, явившуюся его утешить, напомнить о суете всего земного и направить душу к более высокому и непреходящему благу. Непосредственная связь сочинения с судьбой автора, судьбой, в которой многие видели отражение собственного своего положения, а также доступная всем ясность основных его идей и благородная теплота изложения доставили книге Боэция особенное влияние в Средние века; многие ее читали и находили в ней утешение. Неутомимое рвение Данте к занятиям философией, ослабившее даже временно его зрение, открыло ему вскоре, по его словам, «сладость» этой науки в такой мере, что любовь к философии даже затмила на время идеал, до тех пор единственно властвовавший над его душой. И другое еще влияние боролось в нем с памятью об усопшей. Во второй половине «Vita Nuova» Данте рассказывает, как однажды, когда он был погружен в свою печаль, у окна показалась прекрасная женщина, смотревшая на него глазами, полными сострадания. Сначала он почувствовал к ней благодарность, но, видя ее снова и снова, стал понемногу находить такое удовольствие в этом зрелище, что ему грозила опасность забыть об умершей Беатриче. Однако это новое чувство не дало Данте утешения, в душе его разгорелась сильная

борьба. Он стал казаться себе низким и презренным, бранил и проклинал себя за то, что мог хоть временно отвлечься от мысли о Беатриче. Внутренняя борьба поэта длилась недолго и кончилась победой Беатриче, которая явилась ему в видении, сильно его взволновавшем. С тех пор он думает опять только о ней и воспевает только ее. Позже, в другом своем сочинении – «Convito» («Пир»),– заключающем самое восторженное восхваление философии, Данте стихам, посвященным второй своей любви, которую он называет здесь «Madonna la Filosofia», придал аллегорический характер. Но в реальном ее существовании навряд ли может быть сомнение, и этот маленький обман поэта весьма извинителен. Чувство, казавшееся ему сначала, под влиянием экзальтации, столь преступным, на самом деле было крайне невинным и быстро промелькнувшим метеором платонической любви, что он впоследствии осознал и сам.

Но другая любовь Данте, к некоей Пьетра, о которой он написал четыре канцоны, носит уже иной характер. Кто была эта Пьетра – неизвестно, как и многое в жизни поэта; но упомянутые четыре канцоны написаны им, как предполагают, до изгнания. В них звучит язык еще юношеской страсти, юношеской любви, на этот раз уже чувственной. Эта любовь легко совмещалась в те времена с мистической экзальтацией, с религиозным культом женского идеала; чистое, целомудренное поклонение женщине не исключало тогда так называемого «folle amore» [3]. Весьма возможно, что при страстном своем темпераменте и Данте отдал ему дань и что и у него был период бурь и заблуждений.

Несколько лет спустя после смерти Беатриче, – когда, собственно, неизвестно, но по-видимому, в 1295 году, – Данте женился на некоей Джемме ди Мането Донати. Прежние биографы сообщают, что у поэта было от нее семеро детей, но по новейшим исследованиям их оказывается всего трое: двое сыновей, Пьетро и Якопо, и дочь Антония. О жене поэта, Джемме, сохранилось очень мало сведений. По-видимому, она пережила мужа; по крайней мере, еще в 1333 году подпись ее значится на одном документе. По сведениям, сообщаемым Боккаччо, Данте не виделся больше с женой после своего изгнания из Флоренции, где она осталась с детьми. Много лет спустя, под конец своей жизни, поэт вызвал к себе сыновей и заботился о них. В своих сочинениях Данте нигде ничего не говорит о Джемме. Но это было обычное явление в те времена: никто из тогдашних поэтов не касался семейных своих отношений. Жене было суждено в ту эпоху играть прозаическую роль; она оставалась совершенно вне поэтического горизонта; рядом с чувством, которое уделялось ей, могло

прекрасно существовать и иное, считавшееся высшим. Боккаччо и некоторые другие биографы утверждают, что брак Данте оказался несчастливым. Но ничего определенного об этом неизвестно; верно лишь то, что брак этот был заключен без всякой романической подкладки: это было нечто вроде делового уговора, чтобы исполнить общественный долг, – один из тех браков, которых и теперь немало.

Глава II

Участие Данте в битве при Кампальдино и в осаде Капроны. – Политическая его деятельность. – Народное правление во Флоренции. – Партии Черных и Белых. – Данте-приор. – Изгнание Белых и в числе их Данте. – Скитания, бедность и всякие лишения. – Римский поход Генриха VII в 1310 году. – Радость Данте, его послание к государям и народам Италии и письмо к «нечестивым флорентийцам»

В ранней молодости Данте служил отечеству, сражаясь за него с Ареццо при Кампальдино, где он дрался верхом в первых рядах флорентийских войск, и участвуя в осаде Капроны, как видно из «Божественной Комедии». Впоследствии он отдался политической деятельности и принимал личное участие в общественных делах. Несмотря на весь свой поэтический идеализм, Данте был человек дела, решительный, энергичный. Об этом свидетельствует, между прочим, собственный его рассказ в «Божественной Комедии» о том, как он спас жизнь ребенку. В церкви Сан-Джованни во Флоренции, где сначала крестили всего два раза в год (накануне Пасхи и Троицына дня), так что всегда была страшная давка, крестильница была устроена следующим образом: в каменном помосте возле стен были пробиты узкие углубления в виде купелей, снабжавшиеся водою из колодцев. Однажды ребенок, играя с другими детьми, вскочил в одно из этих углублений и так увяз в нем, что не мог выбраться. На крик его и его товарищей сбежался народ, но никто не знал, как пособить утопавшему, пока не явился Данте, бывший тогда приором, и собственноручно не разбил камень, окружающий углубление. За этот поступок человеколюбия враги обвиняли его в кощунстве и оскорблении святыни, и он защищается в «Божественной Комедии» от несправедливого обвинения («Ад», XIX, 16—22). В то время во Флоренции насчитывалось около двухсот тысяч жителей, то есть вдвое больше, чем в Риме; верховная власть была вполне в руках народа. Первым поводом к усилению демократии во Флоренции послужило слабое управление градоначальника (подесты), гибеллина графа Гвидо Новеллы, который для того, чтобы оградить свою власть от влияния гвельфов, учредил в 1266 году во Флоренции семь больших цехов и даровал им право вмешиваться в дела правления. После победы гвельфов над гибеллинами в 1267 году и особенно после реформ 1282 года, когда народная партия, убедившись, что благосостояние республики не может поддерживаться прежним правительственным строем, издала по

этому поводу новые распоряжения, власть все более и более переходит в руки народа. Правлением во Флоренции заведует теперь синьория – учреждение, состоящее из шести членов, избираемых на год, причем каждому из них исполнительная власть вверяется на два месяца. Эти так называемые «приоры порядка и свободы» избирались из среды цехов и кварталов города. Наконец в 1293 году знаменитый демагог Джанно делла Белла издает известные постановления, в силу которых дворянство вовсе отстраняется от занятия каких бы то ни было государственных должностей в республике. Эта мирная революция может быть в полном смысле слова названа победой демократического принципа. Впрочем, уже в 1295 году была сделана уступка дворянам: записавшись в одну из ремесленных корпораций, они могли открыть себе доступ к общественным должностям. Данте приписался к цеху докторов и аптекарей, что больше всего соответствовало его собственным научным занятиям. Сделал ли он это как дворянин – пока еще вопрос открытый, так как в последнее время возникли некоторые сомнения по поводу того, принадлежал ли он вообще по своему происхождению к дворянству или нет. 5 июня 1296 года мы встречаем поэта среди членов Совета ста, где он держит речь в собрании. 8 мая 1299 года он является посланником Флоренции по делам Тосканского гвельфского союза. В 1300 году, с 15 июня по 15 августа, Данте – приор. Совсем недавно во Флоренции разгорелись сильные раздоры. С некоторых пор партия гвельфов распалась на два враждебных лагеря. Как когда-то из-за семейной вражды возникли партии гвельфов и гибеллинов, так и теперь начало новой распре было положено враждой двух семейств: Виери деи Черки и Корсо Донати. Корсо Донати был человек с выдающимися, блестящими способностями, но страшно тщеславный и жестокий. Молва обвиняла его в том, что он, будучи в Тревиньяно, отравил здесь первую свою жену, сестру Виери деи Черки. Рассказывают, что по возвращении во Флоренцию он пригласил к себе Виери ужинать и велел налить ему вина. Но Виери отстранил кубок дрожащей рукой. Тогда Корсо позвал своего сенешаля и предложил ему выпить из кубка гостя, что тот, не колеблясь, и исполнил. Виери встал, взглянул прямо в глаза Корсо и воскликнул: «Не таким вином угостил ты мою сестру». Это происшествие, как говорят, и было источником кровавой вражды Черки и Донати. Ссора их принимала все большие и большие размеры, так как к ним примкнули родственники и знакомые той и другой семьи, и скоро вся Флоренция разделилась на два враждебных лагеря. Приверженцы Донати и Черки приняли новые наименования.

Приверженцы Донати стали именоваться Черными, а приверженцы Черки – Белыми. Данте был на стороне Белых, потому что (по Боккаччо) эта партия больше уважала право и справедливость. Около этого времени, с 15 июня по 15 августа, как мы уже говорили, он исполнял должность приора. Выборы его проходили, по-видимому, очень бурно, на что указывают собственные слова поэта в отрывке письма, приводимом одним из его биографов, Леонардо Аретино, гласящие, что все страдания, все несчастия его имели началом и причиной собрание по выборам его в приоры. Когда обе враждебные партии, Белые и Черные, заняли угрожающую позицию, синьория для упрочения общественного спокойствия решила (23 июня 1300 года) наиболее выдающихся членов каждой из них удалить из Флоренции. Вследствие нездорового воздуха места их ссылки Белых вскоре возвратили, но Данте не был уже тогда приором. Черные тоже вернулись, только один Корсо Донати остался в Риме агитировать в пользу своей партии. После открытия заговора (в июне 1301 года) предводители Черных были снова изгнаны, и Белые получили перевес во Флоренции. В это бурное время Данте несколько раз появляется на общественной арене. Между прочим он настаивает в Совете ста (19 июня 1301 года), чтобы Флоренция отказала папе в требуемых им у общины ста солдатах вспомогательного войска. Мнение поэта не нашло поддержки и послужило впоследствии одним из пунктов обвинения против него. Между тем папа Бонифаций VIII, который покровительствовал втайне Черным, вероятно, по их просьбе и радуясь представившейся возможности усилить свою власть во Флоренции, решил послать в город так называемого «посредника мира» в лице Карла Валуа, брата французского короля Филиппа Красивого. Карл явился во Флоренцию 1 ноября, поклявшись перед тем уважать законы республики. Но он не сдержал своего слова и вскоре стал оказывать открытое предпочтение Черным, заботясь лишь об одном – всеми возможными средствами выжать для себя из Флоренции побольше денег. Рассказывают, что когда он затем явился в Рим и обратился с денежными требованиями к папе, Бонифаций воскликнул: «Но я же послал тебя во Флоренцию – к источнику золота!» Ответ этот рисует хорошо и того, и другого.

Корсо Донати ворвался со своими приверженцами в город, и несколько дней Черные опустошали его огнем и мечом. Последняя синьория, члены которой принадлежали к партии Белых, принуждена была до времени отказаться от власти. Вновь избранные приоры принадлежали к Черным, и —как всегда практиковалось при раздорах тогдашних итальянских общин –

победоносная партия воспользовалась властью, попавшей в ее руки, для жестокого притеснения побежденной партии. В течение 1302 года из числа Белых около 600 человек были приговорены к смерти или к изгнанию. Их обвиняли в разных преступлениях, но, конечно, почти во всех случаях обвинения служили лишь предлогом, чтобы отделаться от противников. В числе многих постигла та же участь и Данте: декретом от 27 января он был обвинен во взяточничестве, утайке общественных сумм, подкупе, агитации против папы и Карла Валуа и присужден к уплате пяти тысяч флоринов, а если уплата эта не последует в течение трех дней, – к конфискации всего имущества и во всяком случае к изгнанию из Флоренции на два года, с лишением навсегда права занимать какую-либо общественную должность. Затем 10 марта появился новый декрет, гласящий, что так как Данте не заплатил денежного штрафа и не явился лично, то, если его удастся захватить флорентийским властям, он будет сожжен живым на костре.

Изгнание в те времена, когда человек ближе и теснее срастался с родной ему почвой, имело совсем другое значение, нежели теперь. Насильственная разлука со всем дорогим в жизни становилась решающим событием для всего дальнейшего существования. Изгнанные Белые соединились с высланными прежде из Флоренции гибеллинами, к которым они и раньше тяготели больше, чем Черные, и пытались произвести несколько вооруженных нападений на Флоренцию. Данте тоже вначале пристал к ним. По политическим своим убеждениям Данте, бывший гвельф, теперь становится ревностным гибеллином. Когда, собственно, произошел в нем этот переворот, нельзя указать с точностью. Вероятно, он подготовлялся уже давно. Происходя из гвельфского рода и воспитываясь в этих традициях, Данте придерживался взглядов своей партии, не вдумываясь еще в них самостоятельно. В период занятий философией он почувствовал потребность размыслить о политических вопросах, чтобы иметь и на этот счет свое суждение. Результатом было то, что он осознал несостоятельность гвельфства как политической системы; ему казалось, что своими бедствиями Италия была обязана преимущественно гвельфам, сошедшим с пути чести и добродетели. Данте сделался гибеллином и остался им до конца жизни. Вообще же говоря, он не был человеком партии в собственном смысле этого слова: всякая узкая партийность была ему крайне несимпатична. Он был слишком просвещенный патриот, слишком высокий гражданин, чтобы усвоить себе, соприкасаясь с партиями, мелкие и эгоистичные их интересы. В сущности, он не стоял ни за гвельфов, ни за гибеллинов, ни за

Белых, ни за Черных, а просто был приверженцем и защитником идей, имевших в виду лишь одно: благосостояние отечества, – чего нельзя сказать об остальных, маскировавшихся той или другой вывеской для прикрытия личных целей.

В среде союзников, Белых и гибеллинов, проснулись вскоре раздоры, ревность, ссоры – все те нечистые страсти, которые так часто вызывает изгнание среди побежденных. Подобное общение не могло долго нравиться человеку с таким возвышенным духом, как у Данте. Видя, что его не понимают ни гвельфы, ни гибеллины, Данте сосредоточивается в самом себе и, как он сам гордо провозгласил, образует один свою партию, он – «союзник самого себя». Это случилось, вероятно, в 1303 году, когда поэт отправился в Верону, ко двору Бартоломео делла Скала. Белые предприняли еще несколько попыток силой или миром вернуться во Флоренцию, но усилия их оказались тщетными, и в 1307 году все надежды изгнанной партии рухнули. Данте вел скитальческую жизнь, испытывая лишения, принужденный обращаться к чужой помощи, для того чтобы поддерживать свое существование. В 1304 году в письме по поводу смерти Алессандро ди Ромена он пишет племянникам последнего, Оберто и Гвидо, что бедность препятствует ему явиться на похороны их дяди. Такому гордому человеку, как Данте, было, конечно, особенно тяжело обращаться к чужой милости, жить от подачек меценатов. Он поистине узнал, «как горек хлеб изгнания и как тяжело подниматься и спускаться просителем по чужим лестницам». Страдания Данте увеличивались еще тоской по родине. Хотя в нем были космополитические черты и он сам говорит про себя: «Для меня отечество – весь мир, как для рыб – море», все же при этом ярко горела в нем любовь к *настоящему* отечеству. Это видно из его постоянных заявлений в стихах, письмах и так далее, из слов его о сочувствии ко всем несчастным, «но более всего к тем, которые, томясь в изгнании, видят родину только во сне». Как трогательна жалоба поэта на первых страницах «Пира», написанного им между 1306 и 1309 годами. «Я скитаюсь как бедный странник, почти как нищий, – сетует здесь Данте, – по всем местностям, где говорят языком Италии, показывая всюду против воли рану, нанесенную мне судьбой. Поистине, я уподобляюсь лодке без парусов и руля, прибиваемой к разным гаваням и берегам сухим ветром, которым дышит скорбящая бедность». По форме «Пир» сходен с «Новой Жизнью»; это тоже сборник стихотворений и прозы, только в «Новой Жизни» главное – стихи, а здесь – наоборот. Сочинение это осталось неоконченным; существует лишь введение и три комментария к трем стихотворениям. Писал его Данте с целью популяризировать школьное знание, сделать доступным

большинству «привилегированный хлеб науки». Это великое, достойное намерение, это сознательное желание просветить невежественный, темный народ – нечто необычайное и новое для тех времен. Другое нововведение Данте – язык: он пишет не по-латыни, а по-итальянски. Никто еще до него в ученых исследованиях, трактующих о метафизике, практической философии и естественной истории, не осмеливался употреблять народный язык. Сам Данте считает нужным оправдываться в этом и посвящает девять глав, то есть почти весь первый трактат, объяснению, почему он это делает. Со свойственной ему страстностью приступает он здесь к защите итальянского языка, нападая на тех, кто относится презрительно к родному языку и предпочитает ему чужие. Данте называет их «отвратительными», «низкими» и восклицает: «Стыд и вечный позор дурным итальянцам, которые восхваляют народный язык других стран, а унижают свой собственный».

«Пир» – нечто вроде философской энциклопедии; но философия Данте – философия схоластиков; она в подчинении у богословия. Тут масса знаний, но главный интерес сочинения не в научных взглядах Данте, – не это наиболее характерная сторона книги и ее значения. Отличительная черта поэта та, что он все чувствует необычайно горячо и сильно, все у него становится тотчас же аффектом, страстью. И знание не остается у него мертвым достоянием, накоплением ученых подробностей, как, например, у Брунетто Латини, но везде просвечивает и примешивается его могучая индивидуальность. Любовь его – идеализация; он смотрит на нее с философской точки зрения, но сама философия превращается у него в любовь; философия – «любящее общение с мудростью», как он ее определяет. И в научном мировоззрении Данте сохраняется уголок для фантазии, и здесь встречаются у него образы, полные красоты. Он и в науке находил поэтический элемент. Занятие наукой, по его словам, – «изучение известного предмета умом, влюбленным в этот предмет».

Всюду и везде, как бы он ни углублялся в отвлеченную область, действительность все-таки встает перед ним. Так, например, говоря в «Пире» о справедливости и образах правления, он восклицает: «О несчастная, несчастная моя родина, какое я чувствую к тебе сострадание, когда читаю и пишу о вопросах, касающихся государственного правления!»

Одной из блестящих и высших заслуг Данте останется навсегда то, что он сделал с целью дать перевес в Италии народному итальянскому языку над латинским. Как и в «Пире», то же стремление руководит поэтом и в другой его книге: «De

eloquentia volgari» («О народном красноречии»), написанной неизвестно когда, – некоторые полагают, что в конце жизни, другие, что около 1308 года. Сочинение это должно было состоять из четырех частей, так как на четвертую часть несколько раз указывается заранее; но оно прерывается на четырнадцатой главе второй части и остается неоконченным по неведомым нам причинам. Данте начинает здесь с происхождения языков вообще и излагает свое учение о национальном языке. Быть может, в области языкознания, если мы взглянем на дело с теперешних позиций, Данте выказывает научную несостоятельность, делает ошибки. Но при этих недостатках сочинение Данте имеет большие достоинства, особенно с точки зрения установления единства в языке. К тому же сама мысль книги показывает нам смелость его ума. Он единственный из современников сумел подняться от употребления народного языка к теоретическому осознанию его духа. У него в первый раз читатель находит научное исследование тех вопросов, которые оставались совершенно неразработанными Средними веками. Сочинение это – один из важных источников по истории итальянского языка и национальной итальянской литературы. В нем – свидетельство того огромного значения, которое Данте всегда придавал национальному языку. Очевидно, при написании этой книги поэт руководствовался не только филологическими, научными целями, но и патриотическим чувством. Вот как выражается Витте по этому поводу: «Нигде Данте не проявляет своего патриотизма так великолепно, как в тех случаях, когда он, подобно сыну, защищающему мать, берет под свою защиту язык своего народа от презирающих его латинистов. Это было главнейшее благо, которое он мог дать и действительно дал своему народу, – именно единство национального языка и национальной литературы. Не его вина, конечно, что он не мог дать ему и единства политического».

Указать точно все города и пункты, где был Данте во время своего изгнания, совершенно невозможно; только кое-какие местности этого грустного скитальчества доподлинно известны из некоторых документов. Таковы, например, Падуя, Арно, Казентино и так далее.

В то время как Данте все еще предавался мечтам о возвращении во Флоренцию, перед ним неожиданно, совершенно с другой стороны, мелькнул луч надежды на освобождение Италии, на осуществление его идеала о всемирной монархии, с императором во главе светской власти и с папой – во главе духовной. На императорский престол вступил Генрих VII, граф Люксембургский, который проявил решимость возвратить

императорской власти силу и величие, утраченные ею после падения Гогенштауфенов, и провозгласил первым и настоятельным условием этого благоденствие Италии, уничтожение всяких партий и восстановление общего мира.

Еще в «Пире», излагая философские истины, поэт высказал и свой политический символ веры, так как для него политика и философия не были обособлены, а сливались воедино. Чтобы человечество достигло еще на земле своего назначения, то есть счастья, оно нуждается в мире; но раздоры царят везде, если во главе правления не стоит единый всемирный монарх, который ничего не желает, так как все ему подчинены, и потому правит, руководствуясь справедливостью и поддерживая общий мир. Нечто, напоминающее идеал правления, созданный Платоном в его «Республике», воодушевляло, по-видимому, и Данте. В его глазах всемирный монарх есть существо, уже по природе своей склонное покровительствовать, а не порабощать. Он равен всем, потому что имеет одинаковую власть над всеми; он должен охранять справедливость и свободу, – эти основы человеческого счастья. В правильно устроенном государстве, как говорит Аристотель, хороший человек – вместе с тем хороший гражданин, а в дурно устроенном и хороший человек – дурной гражданин.

Политическая теория Данте, бывшая отвлеченным идеалом, как будто могла осуществиться, когда Генрих VII в октябре 1310 года перешел Альпы и явился с армией в Италию. И действительно, он имел самые благородные намерения: он желал учредить общий мир, согласие и благоденствие. Преисполненный радости, Данте спешит взглянуть собственными глазами на избранника Божьего, на политического мессию. Он не сомневается в успехе предприятия нового императора и, чтобы способствовать «святому делу», пишет латинское письмо к королю и народам Италии с надписью: «Всех и каждого: королей Сицилии и Неаполя, римский сенат, а равно герцогов, графов, марк-графов и народы Италии – смиренный итальянец Данте Алигьери из Флоренции, безвинно изгнанный из отечества, просит о мире». «Возрадуйся, Италия, – говорит поэт, – близок тот, кто освободит тебя из темницы нечестивых и отдаст свой виноградник в руки других рабочих, которые, когда придет час жатвы, соберут плоды правды и справедливости. Притесненные пусть надеются и верят, император будет равно справедлив и мягкосердечен ко всем».

Но враждующие непримиримые партии итальянских городов вовсе не желали равной для всех справедливости и мягкосердечия. Они продолжали свои распри, и в особенности Флоренция стала средоточием сил, противодействующих

начинаниям Генриха VII. Тогда 31 марта 1311 года Данте пишет письмо к «нечестивым флорентийцам». Он доказывает им важность собственно Римской империи, необходимость и благо всемирной монархии. Он упрекает своих соотечественников в злоупотреблении свободой, которую они обращают в деспотизм, и предсказывает им страшное наказание за их нераскаянность. Конечно, флорентийцам не могло понравиться подобное письмо, и когда несколько месяцев спустя указом синьории многие изгнанники из партии Белых были возвращены во Флоренцию, Данте оказался среди тех, числом около тысячи, кого амнистия не коснулась. Чтобы побудить медлившего Генриха VII действовать энергичнее, Данте снова пишет ему, причем говорит, что на него «смотрят, как на новое солнце, появившееся, чтобы разогнать скопившиеся тучи». Поэт советует императору не медлить, описывает состояние Италии, сравнивая ее с мифической гидрой, которой недостаточно отрубить одну голову, а надо нанести удар в самый источник жизни, в сердце. Эта гидра – все непокорные итальянские города, а главное зло – Флоренция. Она – змея, жалящая свою мать, паршивая овца, заражающая все стадо, и так далее. Страстное участие Данте в этих политических событиях указывает на его горячую натуру. Он не колеблется, не сомневается, он такой же энтузиаст в своих политических убеждениях, как и в философских и богословских взглядах.

Генрих наконец действительно является в Среднюю Италию, получает в Риме римскую корону из рук папских легатов и затем осаждает Флоренцию, но безуспешно. Принужденный снять эту осаду, он удаляется в Буонконвенто, на юг от Сьены, и здесь 24 августа 1313 года вдруг умирает скоропостижно, прославленный Данте – поэт отводит ему в своем «Раю» одно из лучших мест – и оплаканный Чино да Пистойя, написавшим две канцоны на его смерть.

Глава III

«Божественная Комедия». – Письмо Данте к Кан Гранде, объясняющее название, значение и цель его произведения. – Мрачный лес и встреча с Вергилием. – Преддверие Ада: безразличные и бездействовавшие. – Девять кругов Ада. – Чистилище. – Катон Утический. – Четыре предварительные ступени. – Входная дверь в Чистилище и семь его кругов. – Земной Рай и разлука Данте с Вергилием. – Беатриче. – Десять сфер Рая. – Конец странствования.

Находясь в изгнании, Данте носил в груди своей гнев, желание мести, презрение, общественные и личные тревоги, все страсти, могущие волновать сердце человека. Но удары судьбы не сломили его мощного духа, и талант его только выиграл от жестокой школы испытаний. Дыхание бурной, тревожной жизни коснулось его поэзии; оторванный от активного участия в общественных делах, поэт ушел в себя, и все поэтические силы его развернулись еще пышнее и ярче. «Божественную Комедию», великую свою поэму, Данте написал именно в изгнании. Когда, собственно, были написаны первые песни «Божественной Комедии», нельзя точно определить. Основываясь на некоторых данных, предполагают, что, вероятно, около 1313 года, после окончания неудачного римского похода Генриха VII. Первые две части поэмы – «Ад» и «Чистилище» – были известны публике еще при жизни их творца, а «Рай» стал известен только после смерти Данте.

Обыкновенно идеи великих поэтических произведений не появляются внезапно и не осуществляются тотчас; мысль о них таится перед тем долго в душе поэта, развивается мало-помалу, пускает корни глубже и глубже, расширяется и преобразуется, пока наконец зрелый продукт долгой незримой внутренней работы не выступит на свет Божий. Так было и с «Божественной Комедией». Первая мысль о великой поэме зародилась, по-видимому, в уме Данте очень рано. Уже «Новая жизнь» служит как бы прелюдией к «Божественной Комедии».

В первой канцоне сборника «ангелы просят Бога вернуть им Беатриче, но Бог говорит им, чтобы они еще потерпели немного, пока она побудет на земле с тем, который, потеряв ее, скажет в Аду грешникам, что видел надежду блаженных». В этих словах ясное указание на путешествие Данте в Ад. И в конце «Новой жизни» Данте рассказывает о том, что он имел дивное видение, заставившее его решиться не говорить более о Беатриче, по крайней мере до тех пор, пока он не будет в состоянии сделать

это более достойным ее образом. «Чтобы достигнуть этого, я занимаюсь наукой, сколько у меня хватает сил. И если Создатель всего сущего захочет продлить мою жизнь еще на несколько лет, то я надеюсь сказать о Беатриче то, что никогда еще не было сказано ни о какой другой женщине. И тогда да будет Ему, Богу милостивому, угодно допустить душу мою лицезреть славу своей владычицы». Так писал поэт еще в 1292 году.

Название «Комедия» дал своей поэме сам Данте, а эпитет «Божественная» был добавлен восхищенным потомством уже позже, в XVI столетии, не вследствие содержания поэмы, а как обозначение высочайшей степени совершенства великого произведения Данте. «Божественная Комедия» не принадлежит ни к какому определенному жанру: это совершенно своеобразная, единственная в своем роде смесь всех элементов различных направлений поэзии.

Сохранилось весьма интересное и довольно объемистое латинское письмо поэта, сопровождавшее посылку им «Рая» Кан Гранде делла Скала, где он сам объясняет значение и содержание своего произведения. Смысл его – разносторонний; прежде всего буквальный, затем аллегорический нравственный, то есть скрытый внутренний, и потому сама тема поэмы – двойная; первая – буквальная: состояние душ после смерти; вторая – аллегорическая: человек, смотря по тому, чему он подвержен вследствие своей свободной воли, награждается или казнится по справедливости. «Комедией» же Данте назвал свою поэму потому, что «по содержанию начало ее ужасно и печально (*Ад*), а конец прекрасен и радостен (*Рай*); как, наоборот, трагедией (Данте называл „Энеиду“ трагедией) называется то произведение, которое начинается спокойно и приятно, а кончается печально и ужасно. Точно так же и в способе выражения различаются они между собой тем, что трагедия – торжественна и величава, а комедия – смиренна и непритязательна; причем язык ее народный, „volgare“, на котором разговаривают друг с другом и женщины».

Цель поэмы – освободить живущих на земле от состояния греховности и привести на путь к блаженству.

Итак, «Комедия» Данте заключает в себе, в форме аллегорического видения загробной жизни, нравственно-религиозную мысль с поучительной целью. Эту же нравственно-религиозную мысль об освобождении души от греховности и земных уз встречаем мы в качестве основной мысли народной религиозной поэзии, предшествовавшей Данте. Народные поэты того времени: Фра Яко-поне, Джаколино и другие, – пробуждали души от суеты земной, обращали их к вечному, повествуя о

чудесах, рассказывая легенды, описывая страшный суд, ужасы ада и блаженство рая. Это был самый действительный и популярный путь для достижения целей поучения и исправления. Великим вопросом того времени являлся вопрос о будущей жизни, которая начнется, когда кончится суетное земное существование, считавшееся лишь подготовлением к ней. Поэтому естественной формой литературы было видение, срывавшее покров с загробного мира и позволявшее человеческим взорам проникать в его тайны. Существовали легенды о видениях воскресшего Лазаря, апостола Павла и множество других, из которых самыми значительными и распространенными в XII веке были три загробные видения ирландского происхождения: «Путешествие св. Пранданса с его монахами», «Чистилище св. Патриция» и «Видение Тундалуса». Со счастливым вдохновением гения в качестве внешней оболочки для своих отвлеченных идей, для «высокой фантазии», как он называет свою поэму, Данте выбрал изображения загробного мира именно из народной религиозной поэзии. Многочисленные сказания о загробных странствованиях, о видениях неба и ада нашли свое высшее художественное выражение в «Божественной Комедии». Данте внес систему в нестройное смешение образов; эта система навеяна учением церкви, а также учениями Аристотеля и Цицерона. Вообще в поэзии Данте видения играют большую роль. Первый его сонет заключал в себе видение; в прекрасной канцоне, где он говорит о своем предчувствии смерти Беатриче, – тоже видение; и, наконец, видение и в «Божественной Комедии». Но народ понимал такие легенды и предания в буквальном смысле: он думал, что душа расставалась с телом и действительно видела все то, о чем шел рассказ. Так народ понимал даже и поэму Данте, на что указывает, между прочим, анекдот Боккаччо о тех двух женщинах в Вероне, которые, заметив проходившего мимо них Данте, обменялись по этому поводу следующими словами: «Посмотри, – сказала одна, – вот тот, который спускается в ад и, возвращаясь оттуда, когда пожелает, приносит весть о пребывающих там грешниках». Другая ответила: «Должно быть, ты права: посмотри, как борода его курчава, и лицо его черно от дыма и копоти адского огня». Если народ и толковал так поэму, то намерение поэта, как мы знаем, было, конечно, иное. Для него нет истинной поэзии вне глубокого смысла, вне нравственного и философского содержания, скрытого за аллегорией. Истина, облеченная в красивые образы, – вот как Данте определяет поэзию. Он выступает в своей поэме реформатором, апостолом, учителем заблудившегося человечества, которое он желает вести к блаженству. Цель эта доказывается не только ярким

изображением последствий пороков и добродетелей, но и несомненными декларациями; например, апостол Петр в 27-й песне «Рая», после пламенной речи против вырождения папства, поручает поэту при возвращении его на землю «отверзнуть уста и не скрыть ничего из того, что он от него не скрыл». Беатриче в «Чистилище» говорит поэту: «Наблюдай хорошенько и перескажи все виденное тобою людям, живущим тою жизнью, которая есть дорога к смерти». А в 17-й песне «Рая», когда предок поэта предсказывает ему изгнание и Данте говорит, что в таком случае вдвойне важно сообщить миру то, что он узнал во время своего загробного путешествия по трем царствам, так как многим высказанное им покажется весьма жестким, Каччагвида отвечает: «Все равно, расскажи все, что ты видел, и этим заставь людей почесать те места, где у них болячки. Если слова твои и покажутся сначала непереваримыми, содержащаяся в них пища, раз проглоченная, дарует жизненное питание… Крик, который ты испустишь, будет подобен ветру, поражающему самые высокие вершины».

«Божественная Комедия» состоит из ста песен и заключает в себе 14230 стихов.

На середине жизненного пути, то есть в 35 лет (таким образом, время видения отнесено поэтом к 1300 году, когда он был приором), рассказывает Данте, заблудился он в жизненном лесу. Поэт заснул и не может дать себе отчета, как он попал в этот дикий, мрачный и непроходимый лес. В испуге решается он выбраться оттуда. Перед ним подошва горы, вершина которой озарена лучами восходящего солнца. Данте собирается подняться по пустынной крутизне и направляется к горе. Барс, затем лев и наконец волчица, – особенно последняя, – пересекая ему дорогу, наполняют его сердце смертельным страхом, так что он спешит вернуться в темную долину. Тут является перед ним некто в образе человека или, вернее, легкой тени: это Вергилий, тот Вергилий, который был для Данте величайшим поэтом древности, учителем и наставником. Данте обращается к нему с мольбой, и Вергилий поучает его, говорит ему о вредных свойствах волчицы и о злом ее нраве, о том, что она причинит еще много вреда и несчастий людям до тех пор, пока не явится гончий пес, veltro, который прогонит ее обратно в Ад, откуда зависть Сатаны напустила ее на мир. Затем Вергилий объясняет поэту, что для выхода из этих дебрей надо избрать другой путь, и обещает провести его через Ад и страну раскаяния к вершине солнечного холма, «где встретит тебя душа достойнее меня; ей передам я тебя и удалюсь», заканчивает он свою речь. Но Данте колеблется, пока Вергилий не сообщает ему, что послан Беатриче. Теперь поэт

следует за Вергилием, наставником и руководителем своим, до порога Земного Рая и спускается с ним в Ад, где читает над вратами страшную надпись: «Lasciate ogni speranza voi qu'entrate» («Оставьте входящие сюда всякую надежду»). Тут, в преддверии Ада, в беззвездном пространстве слышны плач и стенания, – тут страдают люди, «ничтожные на земле», те, которые не грешили и не были добродетельны, – безразличные, тот печальный род, что жил «без хулы и славы бытия».

В их числе и папа Целестин V, который «из низости великий дар отверг», то есть отрекся от папской тиары благодаря происка м своего преемника Бонифация VIII, и «недостойные ангелы, которые, не изменив Богу, не были его верными слугами и помышляли только о себе». Мука этих «безразличных» людей состоит в беспрерывном терзании их крылатыми насекомыми. Но главное страдание их – сознание собственного своего ничтожества: их отвергли навсегда «Господь и враг, ведущий с Ним раздоры».

Переправившись через Ахерон, Данте со своим наставником вступает в *первый* круг Ада. Тут – «глубокая скорбь без мучений», так как здесь находятся люди добродетельные, но не просвещенные христианством, жившие до пришествия Христа. Они осуждены на «вечное желание, не освежаемое надеждой». Отдельно от них, за окруженной семью стенами и прекрасной рекой башней, в которую ведут семь ворот, местопребывание, среди зелени и при свете солнца, прославившихся поэтов, ученых и героев древности. Тут Вергилий, и вместе с ним Гомер, Гораций, Овидий, Лукан, составляющие особый кружок, а дальше, на цветистом лугу, Данте видит Энея, Цезаря, Аристотеля, Сократа, Платона…

Второй круг Ада – область, где трепещет сам воздух. Вход в нее сторожит Минос, «всех прегрешений ведатель»; он исследует грехи у входа и отсылает грешников, смотря по их проступкам, в подобающий им круг. Здесь слышен плач, здесь полное отсутствие дневного света, «будто пораженного немотою». В этом круге казнятся увлекавшиеся чувственной любовью, и муки их – беспрерывное кружение в адском вихре. Данте видит здесь Семирамиду, Клеопатру, Елену, Ахиллеса и других. Он встречает здесь Паоло и Франческу да Римини, и трогательный рассказ последней о ее любви и несчастии так поражает его, что он падает без чувств.

Вихрь второго круга производит вечный дождь, смешанный с градом и снегом; в воздухе стоит зловоние – это *третий* круг. Тут подвергаются наказанию обжоры, и вдобавок ко всему их терзает Цербер, «зверь свирепый, безобразный», который, «хватая злых,

сдирает с них кожу».

В *четвертом* круге помещаются расточители, любостяжатели и скряги; они катят огромные тяжести, сталкиваются, осыпают друг друга бранью и снова принимаются за свой тяжелый труд.

Ливень третьего круга образует поток, который в *пятом* круге разливается в озеро стоячей воды и образует смрадное болото Стикс, окружающее адский город Дит. Тут мучаются гневные; они бьют друг друга ногами, головой, грудью и разрывают зубами, а завистливые погружены в болотную тину и постоянно в ней захлебываются. У окраины болота возвышается башня, на вершине которой являются три Фурии и показывают Данте голову Медузы, чтобы превратить его в камень. Но Вергилий охраняет поэта, закрывая ему глаза рукой. Вслед за тем слышен гром: сухими подошвами по смрадному болоту проходит через Стикс посланник неба. Вид его укрощает демонов, и они беспрепятственно впускают Вергилия и Данте в ворота адского города Дита.

Окрестности этого города составляют *шестой* круг. Тут перед нами обширные поля, «исполненные скорби и жесточайших мук», и повсюду открытые могилы, из которых змеится пламя. В вечном огне горят здесь материалисты, проповедовавшие о смерти духа вместе с телом, сомневавшиеся в бессмертии души, а также еретики и распространители ереси.

Вдоль крутого обрыва поэт и его вождь подходят к пропасти, из которой несутся нестерпимо смрадные испарения и которая охраняется Минотавром. Это *седьмой* круг, предназначенный для пытки виновных в насилии; он состоит из трех поясов. В первом, представляющем собою широкий ров, наполненный кровью, томятся «сильные земли», посягавшие на жизнь и на достояние людей, тираны и вообще убийцы, виновные в насилии против ближнего. По берегу рва бегают взад и вперед кентавры, вооруженные луками, и пускают стрелы в того, кто подымается из кровавых волн больше, чем дозволяет степень его грехов. Во втором поясе седьмого круга наказываются виновные в насилии против самих себя, то есть самоубийцы. Они превращены в ядовитые и сучковатые деревья с листьями не зеленого, а какого-то серого, мрачного цвета. В ветвях деревьев свили себе гнезда отвратительные гарпии, которые рвут и едят их листья. Этот страшный лес, – лес несказанной скорби, – окружает степь, покрытую горючими и сухими песками, – третий пояс седьмого круга. Медленно, но неустанно падает здесь огненный дождь. Тут место казни грешников, виновных в насилии против Бога, отвергавших в своем сердце святое имя Его и оскорблявших природу и ее дары. Одни из грешников лежат распростертые,

другие сидят скорчившись, третьи непрерывно ходят, причем без отдыха «мечутся их бедные руки туда и сюда, отбрасывая от себя беспрестанно падающие на них огненные капли». Здесь поэт встречает своего учителя Брунетто Латини. Следуя по этой степи, Данте и Вергилий доходят до реки Флегетон, волны которой страшно багрового, кровавого цвета, а дно и берега совершенно окаменели. Она течет в нижнюю часть Ада, где и образует Коцит, ледяное озеро Джудекки. Как и другие адские реки, Флегетон получает начало от слез статуи Времени, воздвигнутой из различных металлов и возвышающейся на острове Крит.

Но вот и *восьмой* круг. Путники наши спускаются туда на Герионе, олицетворении обмана и лжи, крылатом чудовище, которое, по легенде, привлекало к себе в дом чужестранцев дружескими словами и потом убивало их.

Восьмой круг называется «Злые рвы»; их – десять; здесь наказываются разного рода обманы. В первом из этих рвов рогатые демоны (заметим, что это единственное место, где черти у Данте являются рогатыми) беспощадно бичуют обольстителей. Во втором вопят и стонут льстецы, безвыходно погруженные в жидкую, смрадную грязь. Третий ров занимают симонисты, торговавшие святыми вещами, обманывая суеверно-невежественных людей. Грешники этой категории страшно мучаются: они уткнуты головами в отвратительные ямы, ноги их торчат кверху и беспрестанно сжигаются пламенем. Сюда помещены поэтом многие папы, в том числе Николай III, и здесь же приготовлено место Бонифацию VIII. В четвертом рве идут молча, в слезах, люди, у каждого из которых лицо повернуто к спине, вследствие чего они должны пятиться назад, потому что не могут ничего видеть перед собой. Это – волхвы, прорицатели и т. п.: «За желание заглянуть слишком далеко вперед они смотрят теперь назад и движутся вспять». Взяточники, продажные люди помещены в пятом рве, где они погружены в озеро кипящей смолы. В шестом казнятся лицемеры. Окутанные в монашеские рясы, снаружи ослепляющие позолотой а внутри свинцовые и невыносимо тяжелые, с такими же капюшонами, свисающими на глаза, молча и плача ходят они тихими шагами, как в процессии. Седьмой ров, где мучаются воры, весь наполнен страшным количеством змей, между которыми бегают в ужасе взад и вперед грешники. Руки у них связаны змеями за спиною; змеи впиваются им в бедра, клубятся у них на груди и подвергают их разнообразным превращениям. В восьмом рве носятся злые и лукавые советчики, заключенные в пожирающие их огненные языки. Казнящийся здесь Улисс, пустившись в открытый океан, проник далеко, но буря разрушила его корабль и потопила его со

всеми товарищами. В девятом рве помещены сеятели соблазна, раскола, всяких раздоров, политических и семейных. Демон, вооруженный острым мечом, подвергает их страшным и разнообразным рассечениям; но раны тотчас заживают, тела подвергаются новым ударам – и нет конца этим прометеевским мукам. Но вот и последний, десятый ров восьмого круга: тут мучаются люди, посягавшие на различные подлоги; они покрыты страшными язвами, и ничто не может уменьшить и унять бешенство их чесотки. Ад кончается. Вергилий и Данте подошли к мрачному, тесному колодцу, стены которого поддерживаются великанами. Это дно вселенной и вместе с тем последний – *девятый*– круг Ада, где карается высшее человеческое преступление – измена. Круг этот – ледяное озеро, состоящее из четырех частей: Каины, Антеноры, Толомеи и Джудекки. В Каине (от Каина) помещены изменившие близким и родственникам, посягнувшие на жизнь этих последних. В Антеноре, названной так по имени троянца Антенора, подавшего неприятелям совет внести в Трою деревянного коня, мучаются предатели отечества; в их числе и Уголино, помещенный сюда за предательскую сдачу крепости; он грызет голову своего врага, архиепископа Руджери, умертвившего его и его детей голодом. В Толомее (по имени египетского царя Птолемея, якобы пригласившего однажды к себе на обед друзей и умертвившего их) терзаются изменившие друзьям. Они уткнуты в лед головами; «пролитые ими слезы замыкают исход другим слезам, и горе отливает назад и увеличивает истому, потому что первые слезы замерзают и подобно хрустальному забралу завешивают впадины глаз». Наконец, в четвертом поясе девятого круга, в Джудекке, казнятся предатели Христа и высшей государственной власти. Тут резиденция Сатаны, «владыки царства скорби», создания «некогда столь прекрасного». Он до половины груди погружен в лед. У него три лица и шесть громадных крыльев; двигая последними, он производит ветер, который леденит воды всего девятого круга. Каждым ртом своих трех лиц он дробит по одному грешнику. Строже всех казнится Иуда, предавший Христа, затем Брут и Кассий, убившие Цезаря.

По шерсти Люцифера Вергилий и Данте спускаются к центру земли, а отсюда начинают подниматься вверх по расщелине. Еще немного, и они вне страшного царства тьмы; над ними снова засверкали звезды. Они у подножия горы Чистилища.

«Чтобы поплыть с этой минуты по лучшим водам, ладья моего гения распускает паруса и оставляет за собою столь бурное море». Такими словами начинается вторая часть поэмы, и тут же следует чудесное описание рассвета, составляющего разительный

контраст с картиною тьмы при вступлении в Ад.

Чистилище имеет вид горы, подымающейся все выше и выше и опоясанной одиннадцатью уступами, или кругами. Стражем Чистилища является величавая тень Катона Утического, олицетворяющего, в глазах Данте, свободу духа, внутреннюю человеческую свободу. Вергилий просит сурового старца во имя свободы, бывшей столь драгоценной для него, что ради нее он «отказался от жизни», указать путь Данте, который ходит всюду, отыскивая эту свободу. Воздушная лодка, управляемая светлым ангелом, «на челе которого начертано блаженство», привозит души к подножию горы. Но прежде чем проникнуть собственно в Чистилище, надо пройти как бы преддверие его, – четыре предварительные ступени, где пребывают души ленивых и нерадивых, желавшие покаяться, осознавшие свои заблуждения, но все откладывавшие покаяние и так и не успевшие совершить его. Узки и круты лестницы, ведущие с одной ступени на другую, но чем выше поднимаются наши путники, тем для них легче и легче восхождение. Ступени пройдены; Данте – в чудесной долине, где очищающиеся души поют хвалебные гимны. Два ангела сходят с неба с пламенными мечами, острия которых обломаны, – указание на то, что здесь начинается жизнь милосердия и прощения. Их крылья и одежды зеленого цвета, – цвета надежды После этого заснувший Данте просыпается у ворот Чистилища, где стоит ангел с обнаженным и блестящим мечом. Острием этого меча он пишет семь раз P (peccato —грех) на лбу Данте, впуская его таким образом в Чистилище уже не в качестве пассивного лица, в Аду, но в качестве лица активного, которому тоже потребно очищение. Дверь открыта. Вергилий и Данте входят при звуках гимна. «Ах, как эти ворота не похожи на адские! – восклицает Данте. – Сюда входят при звуках пения, туда – при страшных воплях».

Собственно Чистилище состоит из семи кругов: в каждом искупается один из семи смертных грехов. Гордые двигаются, сгибаясь под тяжелой каменной ношей. Завистливые, с мертвенным цветом лица, опираются один на другого и все вместе прислонены к высокой скале; они одеты в грубые власяницы, их веки сшиты проволокой. Гневные бродят в непроницаемом мраке и густом смрадном дыму; ленивые беспрерывно бегают. Скупые и расточительные, имевшие привязанность лишь к земным благам, лежат на земле ничком, со связанными руками. Обжоры, страшно худые, с бесцветными глазами, испытывают муки Тантала: они ходят около дерева, обремененного сочными плодами и раскинувшего ветви над свежим источником, воды которого падают с высокой горы, и

терпят при этом голод и жажду, увлекавшиеся чувственной любовью искупают свой грех в пламени, которое, исходя из горы, обдает их своими языками, отбрасывается обратно ветром и снова беспрерывно возвращается. На каждой новой ступени Данте встречает ангела, который концом крыла стирает одно из запечатленных на его лбу Р, ведь вместе с гордыми и он шел, согбенный под тяжелой ношей, и вместе с увлекавшимися чувственной любовью проходил пламя.

Данте и Вергилий достигли наконец вершины горы, осененной прекрасным, вечно зеленеющим лесом. Это Земной Рай. Посреди леса текут из одного и того же источника, но направляясь в разные стороны, две реки. Одна течет налево: это Лета, река забвения всего дурного; другая – направо: это Эвноя, запечатлевающая все доброе и хорошее навсегда в душе человека. Вергилий, исполнивший свою задачу, доведший поэта до Земного Рая, до Эдема, прощается с ним. Здесь, в Эдеме, где все дышит истиной, невинностью и любовью, происходит встреча поэта с Беатриче. Его купают в Эвное, откуда он возвращается, «как новое растение, которое только что переменило свою листву», чистый и совершенно готовый вознестись к звездам.

И вознесение начинается: Данте уносится по воздуху вслед за Беатриче; она все время смотрит вверх, он же не спускает глаз с нее. Вот и *Рай.*

Рай (все по той же системе Птолемея) состоит у Данте из десяти сфер. Сперва семь планет, населенных праведниками, тоже в известном иерархическом порядке.

Первая, ближайшая к Земле, планета – *Луна,* где обитают души лиц, давших на земле обет сохранить безбрачное, девственное состояние, но нарушивших его, вопреки собственному желанию, вследствие насильственного противодействия со стороны.

Вторая планета – *Меркурий* – жилище праведных и сильных государей, стяжавших себе громкую славу добродетелью, составивших счастье своих подданных посредством добрых дел и мудрых законов. В числе их император Юстиниан, с которым поэт ведет разговор.

Третья планета – *Венера,* где находятся души людей, любивших высшей, духовной любовью, вдохновлявшей их на Земле на добрые дела.

Четвертая планета – *Солнце* – населена теми, которые исследовали тайны веры и богословия. Тут Франциск Ассизский, Бонавентура, Фома Аквинский и другие.

На пятой планете – *Марсе* – обитают души лиц, распространявших христианство и жертвовавших своей жизнью за

веру и церковь.

Шестая планета – *Юпитер;* здесь находятся души тех, которые на Земле были истинными блюстителями правосудия.

Седьмая планета – *Сатурн* – обитель душ, живших на Земле созерцательной жизнью. Данте видит здесь лучезарную золотую лестницу, верхняя часть которой теряется далеко в небе и по которой восходят и нисходят светлые духи.

Переходя от одной планеты к другой, Данте не чувствует этого перехода, так легко совершается он, и узнает о нем каждый раз только потому, что красота Беатриче становится все лучезарнее, все божественнее по мере приближения к источнику вечной благодати…

И вот они поднялись на вершину лестницы. По указанию Беатриче Данте смотрит отсюда вниз, на Землю, и она кажется ему такой жалкой, что он улыбается при виде ее. «И я, – добавляет он пессимистически, – одобряю тех, кто презирает эту Землю, и считаю действительно мудрыми тех, кто устремляет свои желания в иную сторону».

Теперь поэт со своей руководительницей – в *восьмой* сфере, – сфере неподвижных звезд.

Тут Данте впервые видит полную улыбку Беатриче и теперь уже способен вынести ее блеск, – способен вынести, но не выразить какими бы то ни было человеческими словами. Дивные видения услаждают зрение поэта: раскрывается роскошный сад, растущий под лучами Божества, где он видит таинственную розу, окруженную благоухающими лилиями, и над ней луч света, падающий от Христа. После испытания в вере, надежде и любви (испытывают его св. Петр, Иаков и Иоанн), выдерживаемого Данте совершенно удовлетворительно, он допускается в *девятую* сферу, называемую кристальным небом. Тут, в виде ярко светящейся точки, без определенного образа, присутствует уже Слава Божья, сокрытая еще завесою из девяти огненных кругов. И наконец *последняя* сфера: Эмпирей – жилище Бога и блаженных духов. Кругом сладостное пение, дивные пляски, река со сверкающими волнами, с вечно цветущими берегами; из нее брызжут яркие искры, подымающиеся в воздух и обращающиеся в цветы, чтобы снова упасть в реку, «как рубины, оправленные в золото». Данте смачивает веки водой из реки, и его духовный взор получает полное просветление, так что он может теперь понять все окружающее его. Беатриче, на миг исчезнувшая, появляется уже в самом верху, на престоле, «венчая себя короной из вечных лучей, из нее самой исходящих». Данте обращается к ней со следующей мольбой: «О не побоявшаяся ради моего спасения оставить след своих шагов в Аду, – я знаю, что тебе, твоему могуществу и твой

благости обязан я теми великими вещами, которые видел. Ты меня от рабства привела к свободе всеми путями, всеми средствами, какие были в твоей власти. Сохрани же ко мне твои щедроты, – чтобы душа моя, тобою уврачеванная и достойная тебе нравиться, могла отделиться от тела!..»

«Тут сила воображения покинула меня, – так заканчивает свою поэму Данте, – но желания мои, моя воля уже были приведены навсегда в движение любовью, движущей также солнцем и звездами», – то есть царственно правящей всем миром.

Глава IV

Аллегория «Божественной Комедии». – Нравственно-религиозное и политическое ее значение. – Пантера, лев и волчица. – Вергилий – символ высшего разума и идеи гибеллинства. – Личная история Данте. – Апофеоз Беатриче. – Точность и определенность архитектуры Ада, Чистилища и Рая. – Художественность фигур «Божественной Комедии». – Сатира в восьмом круге: встреча с папой Николаем III. – Ненависть Данте к предателям: Уголино.

В предыдущей главе мы сделали краткий буквальный пересказ поэмы Данте; теперь займемся разъяснением аллегорического ее значения. Поэт указывает здесь Италии и вообще людям, в зеркале сверхчувственного мира, который вышел удивительно реальным, их заблуждения и следствия этих последних, а вместе с тем и средства вернуться к утраченному счастью, если уничтожится мешающее тому зло.

«Божественная Комедия» – великая аллегория человека, греха и искупления с религиозной и с нравственной стороны. Здесь перед нами падение и возрождение человека; здесь, следовательно, внутренняя история его наравне с историей внешней. Всякий человек носит внутри себя свой ад и свой рай. *Ад* – смерть души, владычество тела, образ зла или порока; *Рай* – образ добра или добродетели, внутреннего мира и счастья; *Чистилище* – переход из одного состояния в другое посредством раскаяния. Пантера, лев и волчица, заграждающие путь к солнечному холму, изображают три главенствующих порока, считавшихся тогда преобладающими в мире, а именно: сладострастие, гордость и алчность. В этих трех пороках причина испорченности людской, – так думали в Средние века, и об этом сохранились многочисленные указания. Между прочим, характеристичен рассказ в «Золотой Легенде» о видении св. Доминика в Риме, куда он прибыл по делам устройства основанного им ордена. Ему привиделся Сын Божий, который с вышины неба направил на землю три меча. Святая Богоматерь, полная милосердия, осведомляется у Своего Сына, что он намерен делать, и Христос отвечает, что земля до того переполнена тремя пороками – сладострастием, гордостью и алчностью, – что он хочет уничтожить ее мечом. Кроткая Дева смягчает Своими молитвами Сына и выражает надежду на исправление людского рода путем насаждения двух новых орденов: доминиканцев и францисканцев.

Кроме этого нравственно-религиозного значения,

«Божественная Комедия» имеет еще и значение политическое. Темный лес, в котором поэт заблудился, означает также анархическое состояние мира и конкретно Италии. Избрание поэтом в руководители Вергилия тоже не лишено аллегорического подтекста. В Средние века существовало нечто вроде культа Вергилия. В народных преданиях Вергилия изображали в качестве кудесника, волхва и величайшего в мире мудреца. Но и отцы церкви, например св. Августин, считали его в то время лучшим и наидостойнейшим из всех поэтов и смотрели на него как на провозвестника пришествия Христа, основываясь на предсказании в одной из его эклог, именно в четвертой, рождения Спасителя-Младенца, с появлением которого на свет кончится железный век и во всей вселенной начнется век золотой, причем описание этого золотого века имеет большое сходство с пророчеством Исайи. Главным же образом Вергилий олицетворяет собой у Данте разум, высшую способность разумения, которой человек может достигнуть без божественного откровения. А так как автор «Энеиды» не только национальный поэт Рима, национальный историк древней Италии, но и певец римской истории, певец, наиболее прославивший римское государство, то он является в «Божественной Комедии» символом идеи гибеллинов, – идеи римской универсальной монархии и пророчит Италии политического мессию, который прогонит обратно в Ад волчицу, то есть уничтожит причину всякой несправедливости на земле. Поверье о грядущем избавителе и освободителе было тогда народным поверьем и нашло выражение, например, в «Сказании о возвращающемся императоре». Общий психологический мотив здесь тот, что ничто великое, знаменательное, раз проявившееся в жизни, не исчезает бесследно, но только на время скрывает свои силы, чтобы проявить их снова в минуты крайней опасности.

Изображая в «Божественной Комедии» судьбы человечества, Данте дает нам одновременно и историю своей личной внутренней жизни, – величавое, потрясающее дополнение той автобиографии, начало которой мы видели в «Vita Nuova». Он – герой своей поэмы; он сам падает, отчаивается, борется и воскресает. После смерти Беатриче поэт наш очутился в лесу юношеских заблуждений, но мало-помалу выбрался оттуда путем изучения философии и нашел наконец успокоение и надежду вечного спасения в вере и богословии.

Из сказанного видно, что в «Божественной Комедии» соединены самые разнообразные мотивы: нравственного совершенствования человека вообще, итальянского народа в данную эпоху и лично Данте, а также политической реформы и,

наконец, апофеоза Беатриче как женщины и как олицетворения религии. В громадных рамках дантовской поэмы умещаются все элементы тогдашней культуры: наука, религия, политика, история его народа – и личная его внутренняя и внешняя судьба. Вместе с тем «Божественная Комедия» – изумительнейшая научная энциклопедия Средних веков, и в те времена именно эта величайшая ученость поэта считалась его высшей заслугой и ценилась куда больше поэтических достоинств его поэмы. Летописец Джованни Виллани называет «Божественную Комедию» трактатом и восхищается поставленными там великими и утонченными нравственными, физическими, астрономическими, философскими и богословскими вопросами. Нечего и говорить, что у нас на это совершенно иной взгляд: мы хорошо понимаем, что самая великая, возвышенная отвлеченная мысль, самая глубочайшая ученость не создают еще поэта, а Данте был в полном смысле слова поэт гениальный. Как таковой он избрал для своей поэмы народный, жизненный сюжет, воспламенивший его воображение. Видения загробного мира служили лишь покровом, внешней оболочкой для его поэзии; но дело в том, что сам он верил в этот мир и воспроизводя его, до того сжился с ним, так все почувствовал, что вызывает и в читателе те же сильные ощущения, которые он испытывал, создавая свою поэму. Данте был пламенной и страстной, истинно поэтической душой, и потому на его произведении не могли не отразиться внутренние глубочайшие его интересы: его религиозность, научный энтузиазм, политическая партийная ненависть, сладкие воспоминания о родном городе, о дружбе, наконец, самое нежное из его чувств, – любовь к Беатриче, – временно поутихшее, но никогда не иссякавшее вполне в его душе и здесь снова расцветшее и увенчавшееся апофеозом возлюбленной.

Представления древнего мира о будущей жизни были, как известно, неопределенны, туманны; царство теней едва намечено им. Древние слишком любили земную жизнь, чтобы много заниматься будущей и думать о ней. Но в христианском мировоззрении преобладающая мысль – именно мысль о будущей жизни, и потому естественно, что в Средние века в народных легендах, живописуя муки Ада и Чистилища и блаженство Рая и описывая расположение этих местностей, стараются пользоваться более реальными красками. Но как все это грубо намалевано и далеко от художественных изображений Данте! Бледными и плохо выраженными представлениями легендарной традиции о загробном мире овладела фантазия необычайно сильная и смелая и начертала с удивительной наглядностью и ясностью все три сверхчувственных царства. С особенной рельефностью

изображены у Данте Ад и Чистилище: архитектура их так определенна и точна, что хочется взять и нарисовать план дантовских загробных царств, что, вообще говоря, часто и делали.

Впрочем, главная поэзия не столько в местностях, сколько в их обитателях, в тех лицах, которых поэт встречает во время своих странствований и с которыми он разговаривает. В них, в самих тенях этих, нет ничего туманного; они очерчены резкими контурами – как бы прямо с натуры. Войдя в царство мертвых, Данте вносит туда все людские страсти, ведет за собой всю землю, как удачно выразился Франческо де Санктис. Образы Данте – живые личности, которые в загробном мире сохраняют те же чувства и мысли, какие они имели в земной жизни. В особенности рассказ об Аде заключает в себе целую бурю чувств, страстей и событий. Данте в высшей степени свойственно умение обрисовывать свои фигуры одним штрихом; он – великий мастер поэтического выражения; благодаря своему энергическому слогу влагает он целый мир идей и чувств в одну строчку, в одну картину. Пластическое дарование Данте разнообразно, неистощимо; его рука несколькими взмахами вырезывает фигуры и сцены, которые становятся живыми.

Грехи, казнимые в некоторых кругах Ада, допускают в согрешивших и величие духа, и мягкость, и чуткость сердца. Вследствие нравственных своих убеждений Данте принужден поместить в Ад Франческу, Фаринату, Кавальканте, Пьера делла Винья и даже отеческого наставника своего Брунетто Латини; но он не бранит их, не насмехается над ними, хотя не утаивает их грехов; грехи эти таковы, что не унижают грешников, и Данте не только чувствует глубокое сострадание к их мукам, но любит их, восхищается ими и увековечивает симпатичные образы в своих картинах. Ад – пьедестал, на котором фигуры эти подымаются, стоя во весь рост.

Другие же пороки, по воззрениям Данте, грязнят человека, его нравственную природу, – вот почему эти грешники не вызывают ни участия, ни сострадания его; они заслуживают лишь строгой справедливости. Презрение и насмешка уместны по отношению к ним. Грешниками такого рода почти полны последние два круга Ада, почти – так как и тут есть исключения; например, нельзя не удивляться смелому, отважному Улиссу и не чувствовать ужаса, смешанного с состраданием, по отношению к Уголино. Сатирическая сила Данте достигает самой высшей точки среди святокупцев, там, где поэт встречает папу Николая III. Последний уткнут головою в дыру третьего рва, откуда торчат его ноги и, сжигаемые пламенем, дрыгают от жестокой боли. Данте насмехается над ним, говорит ему презрительные слова. Но

наиболее горькая ирония вложена поэтом в уста самого грешника, в его исповедь, являющуюся сатирой против него самого. Папа Николай III был уже мертв в год видения, но двое других, которых Данте считал еще более преступными, которых он еще более ненавидел, – Бонифаций VIII и Климент V, – жили еще в то время. Благодаря удивительной силе фантазии сумел поэт обратить эту сатиру на Николая III одновременно и против них. Папы-святокупцы должны попасть все в одну и ту же дыру, причем каждый новый пришелец заступает место своего предшественника, которого вдавливает глубже вниз. Таким образом оказывается, что Николай уже ожидает Бонифация VIII и предсказывает прибытие его и Климента V, – и мы можем вообразить себе и того, и другого уткнутыми в дыру головою вниз и дрыгающими горящими подошвами. Но после сарказма поэта какой искренней болью звучат строки его: «О Константин, сколько зла наделал твой подарок!», и этот святой гнев весьма нравится доброму Вергилию, который сочувственно слушает слова своего ученика, обнимает его и, прижимая к груди, переносит до моста следующего, четвертого, рва. Сатира Данте потому именно так величественна, что в основании ее – искреннее, глубокое чувство; он так смел потому, что силен в своей вере. Поэт не нападает ни на религию, ни на церковные учреждения; напротив, он защищает церковь против ложного пастыря, – он негодует на дурных пап, но не на папство. Данте глубоко возмущается оскорблением, нанесенным Филиппом Красивым тому самому Бонифацию VIII, которого он поместил в Ад.

Чем глубже мы спускаемся в Ад, тем слог Данте становится реальнее, грубее. Поэт не боится называть вещи их именами и рисует даже весьма отвратительные предметы. Но в девятом круге все умолкает, – кругом лед, и в нем оцепенелые грешники. Здесь казнится зло вселенной, величайший, самый черный грех, по мнению Данте, – измена. Поэт не чувствует никакого сострадания к предателям, он питает к ним только одну жестокую ненависть и топчет их ногами. Но и здесь, в этой ледяной пустыне, где, по-видимому, умерло всякое чувство, пробуждаются еще раз поэтические мотивы, которыми так изобиловал рассказ о первых кругах Ада. Сцена с Уголино – верх ужаса и вместе с тем трогает нашу душу. Граф Уголино, когда-то могущественный подеста города Пизы, изменнически предавший врагам крепость Кастро в Сардинии, скоро понес наказание более жестокое, чем его преступление. Благодаря архиепископу Руджери, взятый в плен с сыновьями и внуками, он был заключен вместе с ними в башню Гваланди. Несмотря на отчаянные крики заключенных, громко

моливших о пощаде, Руджери велел их запереть в башне, а ключи бросить в Арно. По прошествии восьми дней отворили башню и умерших голодной смертью похоронили с оковами на ногах. И вот перед нами зрелище, ужаснее которого не изображал ни один поэт: справедливость неба сделала пострадавшего орудием казни преступника, отдала злодея в руки его жертвы, чтобы она мстила за себя. Уголино удовлетворяет свою безграничную ярость тем, что неустанно грызет череп архиепископа Руджери. Спрошенный поэтом, он рассказывает ему свою повесть, опять-таки из желания мести. Из этого рассказа мы видим, что нежные отцовские чувства, поруганные зверским образом, и стали причиной зверской мести. Смысл подобного наказания Руджери и Уголино, грызущего вечно череп своего врага, следующий: в уме Руджери, как скоро пробудилась в нем совесть, беспрестанно встает ужасный образ умерщвленного им Уголино, а последний постоянно видит тень ненавистного своего предателя и постоянно испытывает ненависть и жажду мести.

Глава V

Популярность «Ада», первой части «Божественной Комедии», сравнительно с двумя другими ее частями. – Общий характер «Чистилища». – Встреча Данте с Беатриче. – Ее упреки. – Признание и раскаяние поэта. – Характеристика «Рая». – Обилие в нем отвлеченных рассуждений и отсутствие конкретных образов. – Политика и наука в «Божественной Комедии». – Художественное значение поэмы. – Примеры сравнений, почерпнутых из природы и жизни человеческой. – Слог Данте. – Заслуга Данте в «Божественной Комедии» перед национально-письменным языком Италии.

Первая часть «Божественной Комедии» – «Ад» – наиболее известна и популярна. Правда, некоторые комментаторы и критики Данте не совсем разделяют этот общий взгляд, считая его старым предрассудком. По их мнению, хотя «Ад» и изобилует поэтическими красотами, но последних еще больше в двух остальных частях «Божественной Комедии»: великая изобретательность и творческая мощь поэта выступают в них еще ярче, и его дар идеализации проявляется здесь в полном своем объеме. В сущности же хотя Данте во всех трех частях своей поэмы одинаково великий поэт, но все-таки чутье публики, как весьма часто бывает, оказалось верным. Дело в том, что даже по самому содержанию и предмету в «Аде» больше всего драматического движения и жизни. Со входом в Чистилище этот драматизм уменьшается. Принцип тот же, что и в Аде, но уже само назначение, сама суть Чистилища ограничивают поэта, сказываясь, например, на выборе им действующих лиц. Нехристианский мир, представленный в «Аде» наравне с христианским, отсутствует в «Чистилище» вовсе, так как нехристианский мир не мог каяться. И вообще в «Чистилище» меньше действующих лиц, чем в «Аде», а в «Рае» и еще того меньше. Осужденные Ада пребывают здесь вечно под тяжестью своего греха, но зато и сохраняют свою индивидуальность; душа же, которая, очищаясь, поднимается к небу, оставляет за собой все земное. Такие страстные сцены, какие мы видели в «Аде», неуместны в «Чистилище», и еще менее в «Рае». Символизм, отвлеченность берут тут перевес над чувством.

Общий характер «Чистилища» – спокойствие и мягкость. Особенно удачны образы ангелов, этих предвестников небесного мира, к которому подымаются души грешников. И природа тут настолько мирная и нежная, насколько она была страшной и грандиозной в «Аде».

В конце «Чистилища», когда Данте вступает в Земной Рай, навстречу ему приближается торжественная триумфальная процессия; посреди нее дивная колесница, и на ней сама Беатриче, очарование его детства, возлюбленная его юности, ангел-хранитель его зрелых лет.

Мгновение в высшей степени торжественное. Данте стоит в тени дерев Земного Рая, у берега реки Леты, а против него, по другую сторону реки, – колесница; кругом нее процессия, состоящая из семи светильников, сверкающих ярким небесным светом, двадцати четырех патриархов в белых одеждах и венках из роз, четырех евангелистов, семи добродетелей и толпы ангелов, кидающих цветы. И наконец она сама, Беатриче, на колеснице, в зеленом платье и в плаще огненного цвета. Лица ее Данте еще не видит, потому что оно закрыто облаком цветов, кидаемых ангелами, но он чувствует ее присутствие благодаря своему трепету и «вследствие тайной силы, из нее исходящей, ощущает все могущество прежней любви». Среди высшего развития символизма поэзия Данте становится здесь снова личной. После смерти Беатриче, в следовавшей затем тревожной жизни, Данте заблуждался и грешил; он чувствовал сознание вины, терялся в лесу человеческого горя. Мысль о его прежней чистой любви становится для него упреком, как и образ Беатриче по ту сторону реки. Тут именно заключается самая глубокая, самая драматическая идея «Чистилища». То, на что прежде намекалось символически, отвлеченно, является здесь в форме психологической реальности: укоры совести, раскаяние и очищение души, или, вернее, живого человека. Данте оставил за спиной все круги Чистилища, ангелы стерли с его чела знаки греха (семь Р), он со страхом и сопротивлением прошел через мучительный огонь. Все это ничего… Настоящее чистилище ожидает его здесь, на вершине Земного Рая, – обвинения его милой и его собственный стыд, горе и слезы.

В то время как сильно взволнованный Данте глядел на Беатриче, исчез Вергилий. Среди Рая и его красот, предвкушая давно желанное блаженство, поэт все же не может не оплакивать разлуку с дорогим наставником. Но вот он услышал голос Беатриче: «Данте! Не потому что Вергилий ушел, должен ты плакать, не потому: другой еще меч (другое горе) вызовет твои слезы». Единственный раз во всей поэме названный по имени, Данте поднимает глаза и видит устремленный на него взор Беатриче. Строгая, величественная, горделивая заговорила она: «Посмотри на меня, я – поистине Беатриче». Данте стоит, полный стыда, раскаяния и смущения; но когда в сладостных аккордах ангелов уловил он сочувствие себе, тогда «лед, который сжал ему

сердце, превратился в росу и дыхание и с тоской вылился из груди через уста и глаза». Но Беатриче обращается к ангелам и, обвиняя его, рассказывает историю его заблуждений, особенно подчеркивая его необычайные природные дарования, пользуясь которыми он мог бы «во всякой добродетели достигнуть совершенства»; но «необработанная почва тем обильнее производит дурные и дикие растения, чем она плодороднее».

Затем она обращается снова к Данте, спрашивая его, правда ли, что он отвернулся от добродетели и пошел по ложному пути? И он, под влиянием страха и стыда, произносит «да» так тихо, «что для того, чтобы расслышать его, понадобилось зрение». Она еще сильнее старается расшевелить его своими упреками, и в него «вонзается жало раскаяния». Взглянув на нее и пораженный ее красотой, которая кажется ему несравненно выше красоты, украшавшей ее на Земле, – хотя Беатриче и теперь еще покрыта покровом и вдали от него, – Данте испытывает угрызения совести столь ужасные, что падает без чувств. Приходит он в себя уже в водах Леты, где все дурное и греховное забывается. После омовения его подводят к Беатриче, которая наконец сбрасывает с себя покрывало и является ему во всей своей невыразимой небесной красоте.

В этой сцене поэтическое выражение мистической любви достигает у Данте наибольшей силы.

Перейдя вместе с поэтом в Рай, мы вступаем в область духов, освобожденных вовсе от тела. Описывая Ад и Чистилище, Данте говорит о тенях, но облекает их в тела живых людей; тут же, в Рае, блаженные не имеют внешней оболочки, которая отличала бы одних от других: они – светочи, несхожие друг с другом лишь блеском и силой сияния; при увеличивающемся блаженстве они только сильнее сверкают. Различная степень их блаженства зависит от более или менее близкого созерцания Бога, от более или менее тесного союза с Ним и от силы любви к Нему. Но, несмотря на такое различие, между ними нет неудовольствия, так как общее чувство, дающее здесь блаженство, истекает из евангельского начала: выше всего Бог и любовь к ближнему, как к самому себе. Но как изобразить такую отвлеченную область в искусстве? Земля давала свои грубые и полные сил картины для сцен Ада и самые нежные и прелестные картины для сцен Чистилища. Ад – царство тьмы; но что за разнообразие форм и красок в этой тьме, что за смесь мрачных, отталкивающих, ужасных, страшных картин!.. И сколько в этом царстве тьмы движется существ, вызывающих в нас сострадание, ужас, дрожь!..

Отсутствие драматизма и достаточно конкретных образов как бы лишает третью часть «Божественной Комедии», «Рай», в

сравнении с двумя другими, некоторой доли интереса и поэтичности. Здесь преобладают научные рассуждения, которые кажутся столь несовместными с поэзией. Но от касания дантовской музы и эти рассуждения становятся изумительным искусством. Блеском его поэт умеет облечь самые отвлеченные и утонченные теории богословия, философии, астрономии и так далее; он сумел превратить в поэзию самые сухие рассуждения св. Фомы Аквинского. Святые – не очень-то благодарный сюжет для поэзии; в грешниках и кающихся есть жизнь, движение, развитие; святые же достигли цели; все их чувство сосредоточено на одном только – на любви к Богу. Но силою своего гения Данте удается победить удивительные трудности. Он создает здесь, в «Рае», несколько дивных картин, несколько великолепных лирических сцен, – создать же конкретные образы было невозможно. Впрочем, и в «Рае» не все отвлеченно и духовно. Среди стольких блаженных, не касающихся земного, есть все же одна человеческая личность – сам Данте. Принимая близко к сердцу положение дел и все события на нашей земле, он и в святых пробуждает к ним интерес.

Так, предок его Каччагвида, душу которого он встречает на планете Марс, предсказывает Данте будущую его судьбу, с увлечением говорит о добрых старых временах Флоренции и рисует привлекательную картину простых, неиспорченных тогдашних нравов в противоположность состоянию современного Данте порочного и раздираемого партийными распрями родного города. Сам Данте не забывает никогда в «Рае», что он «явился к божественному от человеческого, к вечному от временного и из Флоренции к справедливым людям» (XXXI, 39). Он сравнивает место, где он находится, с тем, откуда явился, и замечает контраст того мира греха и несправедливости с этим миром любви и благодати. Отсюда вытекают самые горячие филиппики его против земной испорченности. И святые разгораются гневом и страстями. Так, св. Дамиан негодует против роскоши духовенства, Бенедикт – против пороков монахов, апостол Петр громит римскую курию.

С христианской точки зрения весь этот гнев может быть и не всегда уместен. Святые так запальчивы, они так горячатся… но в этой горячности – их поэтичность, и если б не было этого негодования, то не было бы и самой поэтической струи в «Рае»… Конечно, Данте не святой, но он великая душа, которой все низменное, низкое и мелкое ненавистно. В книге своей «De vulgaria eloquentia» он сам называет себя «поэтом справедливости». На поэзию он смотрит, – мы уже это говорили, – как на святую миссию, как на апостольство. Он в загробном мире

получает весьма определенное поручение – записать, что он видит и слышит, «на пользу миру, живущему худо» («Чистилище», XXXII, 103). Для выполнения этой священной обязанности нужно обладать мужественным сердцем, уверенным в себе. Говорить свету такие страшные истины, не обращая внимания на славные имена и великое могущество, на друзей и врагов, – не дело обыденной души.

Наука и политика занимают много места в «Божественной Комедии». По политическим убеждениям своим Данте здесь, как и в других своих сочинениях, противник светской власти пап и империалист. Перед его внутренним взором сияет идеал Рима и империи. Он обращается духом к священному городу и к добродетелям, которые делали его столь достойным подобного почитания; ему вспоминается история Рима, и он приходит в восторг при мысли о подвигах его великих людей и героев. Поэт желал бы возвращения тех времен, он недоволен настоящим и с сожалением обращается к прошедшему. Но это не мешает ему везде и всюду, – в оценках ли религиозного, нравственного или политического свойства, – руководствоваться лишь чувством строгой справедливости, и это чувство прежде всего освобождает его от узкопартийной ограниченности. Вот почему, например, в выборе населения для Ада, Рая и Чистилища нет ничего случайного и отсутствует какая бы то ни было односторонность. Данте нельзя упрекнуть в том, что он к гибеллинам относился мягче, находил у них больше добродетели, чем у гвельфов. Нет, он осуждает и тех, и других, он громит раздоры как гвельфов, так и гибеллинов, – раздоры, в которых воплощалась, так сказать, вся несчастная судьба современной Данте Италии. Относясь и к тем, и к другим одинаково беспощадно, он почти все грехи двух последних кругов, и в особенности тягчайшие из них, приписывает яду партий.

Обратимся теперь к *художественному* значению «Божественной Комедии» в ее целом и в подробностях. В целом, при видимой отвлеченности замысла, «Божественная Комедия» поражает нас необычайной реалистичностью, которая важна в историческом отношении, так как справедливо считается проложившей дорогу реализму в итальянском искусстве вообще. В подробностях изумляет обилие и точность сравнений и образов, почерпнутых из природы и жизни человеческой. Для Данте драгоценно все, что существует в природе; он наблюдает ее внимательно во всех ее формах и проявлениях. Зоркий глаз поэта везде подсмотрел самое характерное и для него нашел меткое слово. Возьмем наугад несколько примеров: сравнение теней, бросающихся в лодку Харона, с «древесными листьями,

падающими в осеннюю пору один за другим до последнего, пока не обнажаются носившие их ветви»; сравнение теней, кружащихся в адском вихре, со «стаей журавлей, которая длинной вереницей несется в пространстве и наполняет воздух жалобными криками». Тени, встречающие Данте в одном из кругов Ада, всматриваются в него, «прищуривая глаза так, как делает старый портной, вдевая нитку в ушко иглы». Грешник нырнул в смолу, «как дикая утка скрывается под водою при налете сокола, который улетает в небо пристыженный и усталый», и т. д. и т. д. Эти-то именно подробности и сообщают загробному миру ту точную определенность, которая производила *w* производит поразительное действие. Художественное значение поэмы сильно возрастает благодаря прекрасному слогу Данте, слогу, который Маколей, – сам один из первых стилистов новейшего времени, – называет несравненным.

Громадна заслуга Данте в «Божественной Комедии» и перед национально-письменным языком Италии. Подвиг его в этом отношении итальянцы не раз сравнивали с тем, что сделал Лютер для немецкого языка своим переводом Библии. Невозможно судить о силе, гибкости и прелести этого языка, не читая подлинника. И тут Данте выступает не только как литератор и как ученый, но и как патриот.

Глава VI

Последние годы жизни Данте. – Трактат его «De Monarchia». – Политический идеал Данте. – Амнистия 1316 года на унизительных условиях. – Отказ Данте от амнистии и письмо его по этому поводу. – Смерть Данте. – Празднование в Италии 600-летней годовщины его рождения. – Толкование «Божественной Комедии» в церквах Флоренции и в других итальянских городах. – Наружность поэта. – Его характер и нравственные качества. – Заключительные слова о значении Данте.

Мы уже говорили, что о скитальчестве Данте во время его изгнания сохранилось мало документальных, точных сведений; зато во множестве итальянских городов и местечек имеются предания о пребывании в них поэта. Так например, в одном монастыре на вершине Альп показывают комнату с надписью, что это – гостеприимная келья, где, говорят, жил Данте Алигьери и написал немалое количество «своих возвышенных, почти божественных произведений». Такие же надписи в башне местечка Губбио. В Толино и по сию пору пастухи и дети указывают камень, на котором будто бы поэт в грустные дни своего изгнания нередко отдыхал, погруженный в печальные думы. В монастыре Фонте Авелано, где он однажды провел несколько часов, хранится его изображение, и так далее.

Идеал политического единства, проникающий собой «Божественную Комедию», лежит и в основании научного трактата «De Monarchia», написанного Данте на латинском языке в последние годы его жизни. В этом сочинении Данте еще раз изложил свою систему государственного устройства и политическую теорию, высказанную им в его политических письмах, но здесь он расширил и развил ее. Всемирная империя – идеал римского народа – нашла тут наиболее полное свое обоснование.

По понятиям Средних веков, Римская империя, возобновившись с Карлом Великим, продолжала существовать, перейдя к немецким государям, и, как тогда думали, означала все то же владычество римского народа над миром. С этой мыслью, следовательно, соединялось патриотическое чувство. Данте, гордясь римским своим происхождением, находил в этом происхождении и право своей нации стоять во главе других народов. Не в Германии, конечно, а в Италии видит он средоточие, «сад» империи, как он выражается в «Божественной Комедии».

Сам император теряет свой национальный характер, став римским императором.

По форме «Монархия» – довольно сухое схоластическое рассуждение. Сочинение это состоит из трех частей. В первой разбирается вопрос, какая, собственно, форма правления необходима для человеческого блага? Поэт решает этот вопрос в том смысле, что все народы должны быть соединены в одно государство и все государства подчинены одному вождю, то есть императору. По теории Данте, совершеннейшее устройство власти будет то, где на вершине стоит единый монарх, правящий на основании добродетели. Такая всемирная империя, универсальная монархия – идеал Данте. Император должен поддерживать на земле мир, справедливость и свободу – эти основы человеческого благополучия. Данте не хочет при этом обезличить отдельные национальности. Отдельные правители применяют у себя законы согласно местным условиям, а император управляет человеческим родом во всех общих делах. Не быть гражданином – вот, по мнению поэта, худшая доля, могущая угрожать человеку… Во второй части «Монархии» Данте разбирает вопрос о принадлежности всемирного владычества именно римскому народу. В третьей части книги поэт рассуждает о светской власти папы и выступает энергичным противником ее. Папству следует, по его мнению, ограничиваться лишь пределами духовного своего призвания; церковь, по примеру Спасителя, сказавшего: «Царство мое не от мира сего», не должна была бы принимать богатый дар Константина; имущество церкви должно быть имуществом бедных. Император и папа – два светоча, из которых первый озаряет мирские пути, а второй – божественные. Власть их независима друг от друга, они должны вместе управлять народом, чтобы вести его к земному счастью и вечному блаженству. Идеал Данте так дорог ему, что он даже видит в истории то, чего и не было в ней: время, когда обе власти восседали в Риме в согласии и мире («Чистилище», XVI, 106—108). Пока оба светоча светили миру, все было хорошо. С той же поры, как один светоч погасил другой и меч и пастырский посох соединились в одной руке, обоих постигли беды. И потому империя должна быть восстановлена.

Политическая теория Данте, изложенная им в «Монархии», несмотря на всю свою утопичность, замечательна как первая серьезная попытка дать этическое, идеальное содержание средневековой империи и основать научное учение о «царствии Божием на земле». Главная ошибка Данте в том, что он считал возможным силою одного человека, а не ходом истории, достигнуть общего благополучия. Ясно, что политический идеал

его принадлежит всецело прошлому, что всемирная его монархия – утопия. Но в этой величавой утопии есть и существенное практическое зерно – пробуждение национального сознания в итальянском народе, начавшееся только с Данте. Он первый положил основание национальной итальянской литературе, и он же первый громко и ясно высказал требование национального итальянского единства. Это единство Данте хотел установить посредством римской универсальной монархии, в которой поэт отводил своей нации главную, первенствующую роль. Он был готов признать даже частицу чужеземной власти, если бы только она умиротворила партии, прекратила раздоры и обуздала мелкое честолюбие маленьких тиранов и непатриотичное самодовольство общин и династий. Но Данте не подумал о том, что звать миротворцев – значит отдавать себя в чужие руки и что наводить порядок, спасать общество от партий – старинный предлог всех завоевателей.

Италия, добившаяся своего единства и независимости иными путями, нежели указанный ей ее великим поэтом путь универсальной монархии, в то же время вполне солидарна с ним в его отрицании светской власти пап. После поражения при Монтекатини и победы гибеллинов флорентийцы издали 6 ноября 1315 года новое постановление, обращенное против изгнанных Белых, распространявшееся не только на Данте, но и на его сыновей. Тут повторялся смертный приговор и дозволялось каждому завладеть их имуществом. Правда, в следующем году, когда для Флоренции наступили более мирные дни и в подесты города попал граф Гвидо ди Баттифолле, была провозглашена для изгнанников общая амнистия, однако на унизительных условиях уплаты денежной пени и принесения публичного покаяния в церкви Сан-Джованни, – обычай, существовавший для помилованных уголовных преступников. Многие все-таки воспользовались подобной амнистией, но, конечно, не Данте. «Таким ли образом, – пишет он во Флоренцию родственнику, уговаривавшему его вернуться, – следует призывать на родину Данте Алигьери после почти пятнадцатилетнего изгнания? Того ли заслуживает моя всем и каждому очевидная невиновность? Это ли награда за усиленные занятия наукой и поэзией? Низкая покорность, по-земному настроенное сердце несовместимы с философским образом мыслей, которого я достиг усилиями стольких лет. Прочь слабость от человека, проповедующего справедливость, – слабость, которая заставила бы его, претерпев неправду, заплатить оскорбившим его, как будто они были его благодетелями. Не таким путем, padre mio, возвращусь я на родину. Но если вы или кто иной найдете другую дорогу, не

унизительную для чести Данте, то я поспешу тотчас же вступить на нее. Если же нельзя будет вернуться во Флоренцию таким путем, то я никогда и не вернусь туда. Что ж, разве я не буду видеть везде и всюду в других местах блестящего солнца и звезд? Разве я не смогу размышлять над сладчайшими истинами, не вернувшись на родину униженным, скажу более – обесчещенным в глазах моих сограждан?.. И конечно, не будет у меня также и недостатка в хлебе…».

Рано состарившись в изгнании, с мыслью о котором он никогда не мог примириться, усиленно стремясь к спокойствию, поэт все же предпочитает собственное достоинство столь горячо желанному возврату в «сладкое гнездо» и остается а изгнании.

Около 1317 года – Данте был у Кан Гранде, ставшего после смерти братьев властителем Вероны. Поэт разделял те большие надежды, которые возлагались тогда гибеллинами на этого представителя семьи делла Скала. Кан Гранде действительно стоял в нравственном отношении выше и был более способен на великие предприятия, чем, например, Угуччоне делла Фаджуола, по смерти которого, в 1319 году, его избрали главным вождем гибеллинской лиги. Впрочем, ему не удалось совершить что-нибудь великое и прославиться какими-либо особенными подвигами… Данте приняли у него очень хорошо. Двор Вероны вообще являлся в то время гостеприимным убежищем для всех изгнанников, живших во дворце, где им давали особые помещения. И сыновья Данте были с ним в Вероне; причем старший, Пьетро, юрист, впоследствии и обосновался здесь. Но последние свои дни Данте провел в Равенне, куда он переехал из Вероны по настоятельному приглашению тогдашнего властителя Равенны, графа Гвидо да Полента, племянника Франчески да Римини. С братом ее, Бернардино да Полента, поэт познакомился еще во время битвы при Кампальдино. Вдохновенный певец империи, пламенный идеалист-гибеллин нашел последнее свое убежище в семье гвельфов, – графы Полента принадлежали ко гвельфской партии. Тихая, полная чар Равенна, – город, славящийся богатством памятников искусства эпохи раннего христианства, освящена также памятью Данте, проведшего здесь остаток своей жизни и тут скончавшегося. Отсюда он послал Кан Гранде делла Скала третью часть своей поэмы («Рай») и замечательное письмо, о котором мы уже говорили. Жизнь Данте в Равенне текла сравнительно спокойно и приятно: он был окружен друзьями, почитателями, двумя своими сыновьями, Якопо и Пьетро, и проводил время среди научных и литературных бесед. Словесник и поэт Джованни дель Верджилио передал Данте приглашение приехать в Болонью короноваться

поэтическим венком. Но Данте отказался от этого в надежде на такое же предложение из Флоренции: он все еще думал, что его поэтическая слава наконец откроет ему ворота родного города и в церкви Сан-Джованни, там, где он был крещен, «украсят его седые волосы лавровым венком». Заметим мимоходом, что Данте первый ввел в литературу лавровый венок. Но надежды поэта оказались тщетными: дни его были сочтены; 14 сентября 1321 года он умер 56 лет от роду. Чино да Пистойя написал на смерть Данте прочувствованную канцону: «Иссяк источник, – говорит он, – в воде которого каждый находил отражение своих заблуждений», и далее: «Кто теперь будет показывать нам надежный путь от сомнений любви к высшему познанию?»

Граф Гвидо Новелло похоронил поэта с большими почестями, но вскоре изгнанный и сам из Равенны он не мог поставить ему такого памятника, какого желал. Уже гораздо позже, в 1483 году, Бернардо Бембо, отец известного кардинала Пьетро Бембо, украсил могильный памятник поэта барельефом работы Ломбарди, существующим и поныне. В 1692 году вся часовня была вновь реставрирована, а в 1780 году кардинал Луиджи Гонзаго придал ей тот вид, который она имеет и в настоящее время, по-прежнему соседствуя со старой церковью францисканцев. «Жестокая» Флоренция, так упорно отказывавшаяся принять в свою ограду живого поэта, много раз с раскаянием, но тщетно, добивалась возвращения ей праха мертвого и должна была довольствоваться тем, что почтила его память устройством великолепного саркофага с вычеканенной на нем надписью: *«Уважайте великого поэта»,* под величественными сводами церкви Санта-Кроче, где этот саркофаг окружают памятники Микеланджело, Галилея и Макиавелли.

В 1865 году вся Италии, боровшаяся тогда за свою независимость и единство, отпраздновала шестисотый день рождения своего великого сына, – отпраздновала с величайшим блеском, как патриотическое торжество, чествуя гениального писателя, который громко провозгласил слово «единство», – и слово это, раз произнесенное, не могло уже быть заглушено. Во всех больших городах Италии поставили тогда статуи Данте.

Когда Данте умер, слава его уже была велика, но затем она разрослась еще сильнее. Петрарка выражается о «Божественной Комедии» так: «Это не творение Данте, а творение Святого Духа», и жалуется, что великий поэт «ничего не оставил сказать другим». Вскоре после смерти Данте, в двадцатых годах XIV столетия, начинаются попытки толкования «Божественной Комедии». В числе первых комментаторов поэмы Данте были Якопо делла Лана, Бомбажиоло и сын поэта, Якопо. Но талант отца не перешел

к сыну, что ясно видно из комментария последнего к «Аду», а также из разных собственных его стихотворений дидактического содержания. В 1373 году Боккаччо был назначен общиной Флоренции публично комментировать Данте; после него эту должность занимали другие. Поэма читалась и объяснялась в церквах и с кафедры. То же происходило и в других городах: в Пизе, Болонье, Пьяченце, Милане, Венеции… Точка зрения первых комментаторов была религиозно-мистическая, но позже аллегориям Данте стали придавать политический смысл. Толкователей «Божественной Комедии» развелось несметное множество, и некоторые из них, незаметно для себя внося в свои труды собственные мнения и чувства, только затемняли понимание поэмы, так что Франческе де Санктис по этому поводу выразился так: «Лучше всего читать Данте с ним наедине, без комментаторов». Конечно, правило это не без блестящих исключений: немало есть и таких комментаторов, которые действительно многое разъяснили и подвинули нас вперед на пути к правильному пониманию «Божественной Комедии».

Наружность поэта, судя по портретам его и по словам Боккаччо, имела следующие отличительные черты: продолговатое лицо, орлиный нос, большие глаза, резко обозначенные скулы и несколько выдающаяся вперед нижняя губа. Цвет лица его был смуглый, а выражение – грустное и задумчивое; волосы и борода – черные, густые и курчавые. Роста он был среднего, со станом несколько согбенным под конец жизни и с медленною величавою походкой. Одевался Данте всегда в темные, скромные цвета и отличался умеренностью в пище и питье. Он был приветлив в обращении, удивительно трудолюбив и благороден.

Такой ученый мирянин, как Данте, был вообще возможен в те времена только в Италии. Он хорошо изучил классических поэтов: Горация, Овидия, Лукана, Теренция, Стация и того, кого он считал величайшим из них, – Вергилия. Он знал Аристотеля, Боэция, Туллия и других философов; писал по-латыни и по-итальянски о высших задачах, о вопросах философских, политических, о поэзии и языке. Каждое из его многочисленных сочинений значительно и характерно в своем роде. Данте был чудесным средоточием знаний, ума и таланта. Он – полнейшее и живейшее выражение Средних веков, создавших столько цельных характеров. По свидетельству его биографов и толкователей, он обладал высокими нравственными качествами и, главное, отличался справедливостью и любовью к истине. Как человек Данте ощущал все волнения любви или гнева и выражал их громко, энергично, со всем жаром и увлечением непоколебимого убеждения; но как судья в «Божественной Комедии» он отдает

каждому должное по его делам и следует народному вердикту: «Vox populi – vox Dei» (глас народа – глас Божий). Он сам про себя говорит в последней своей работе «De acqua e terra»: «Я с юности рос в любви к истине, всегда стремился к ней и ненавидел ложь». То немногое, что мы знаем о его жизни, вполне подтверждает эти показания, подтверждает то, что Данте был энергичный, сильный, решительный, открытый и честный человек, исполненный ревности к добру, движимый желанием быть полезным другим и употреблять свой талант на общее благо. Таким, – и это важнее всех свидетельств биографов и комментаторов, – является он везде в своих произведениях. Верный портрет поэта найдем мы в его бессмертной поэме. Автор ее – человек гордый, благородный, впечатлительный, страстный, с возвышенной душой, с живой верой, твердый до непоколебимости, способный к самым тонким, нежным и в то же время к самым бурным чувствам, – ум широкий, смелый, проницательный. Даже в слабостях его, столь свойственных человеческой природе, есть нечто возвышенное и благородное. Он с такой простотой признает свои ошибки, так искренне, например, сожалеет, что не может избавиться от гордости… Несчастья, обрушившиеся на него, не только не ослабили его воли, не унизили его, а напротив, закалили, подняли его еще выше. Мало найдется людей в мире, у которых сердце и ум одновременно были бы столь прекрасны. Данте – совершенно идеальная натура; он также идеальный политик в лучшем смысле слова; для него справедливость и право – все, а насилие – ничто. Этот человек неуклонно и крепко держался своих убеждений и не уступал судьбе. И хотя она заставила его умереть в изгнании и бедности, – но зато он стал учителем своей нации. С этой точки зрения и надо смотреть на энциклопедический характер его поэмы. Не только ученые и литераторы черпали живую воду из неиссякаемого источника «Божественной Комедии», не только художники вдохновлялись ею, – сам народ извлек оттуда больше познаний, чем из какой-либо другой книги. В «Пире» Данте популяризирует школьную ученость; он делает то же и в «Божественной Комедии», только тут цель достигается лучше. С полным сознанием отдал Данте свой гений служению неизменным идеалам. Даже личное чувство, юношескую любовь, поэт сумел соединить самым тесным образом с наиболее высокими человеческими стремлениями. Он внес в искусство элемент свободы и провозгласил начало независимости. Всюду и всегда он является одним и тем же, – человеком, душа которого сочувствует всему, что велико и благородно, который чтит энергию даже в своих врагах, проникается благородным негодованием при виде всякой

несправедливости, который способен на самую страшную сатиру, на самое беспощадное бичевание и в то же время на самое нежное сочувствие к страждущему человечеству. Ярый его гнев и глубокая скорбь по отношению к толпе *людей-зверей,* носящих человеческий облик, как он выражается, вызваны тем, что идея неразлучности красоты и добродетели для Данте – жизненная идея, душа мира. Но видя красоту и не находя добродетели, он чувствует в жизни разлад, который его возмущает. По словам Каррьера, Данте велик именно тем, что он никогда не теряет из виду двойственности мира, расщепленности его на внешнее и внутреннее, что вместе с практической деятельностью на пользу родного края он носит в душе и веру в идеал истины и любви, что все скорби, все страдания обращают его к себе и к Богу. Усмотрев истину в глубине собственной души, он хочет показать ее во всем ее блеске и другим людям.

Мы уже говорили, что слава Данте после смерти его все более и более расширялась и росла. В XVII и XVIII веках было, правда, некоторое затишье в поклонении творцу «Божественной Комедии», – поклонении более чем когда-либо сильном в наше время. Изучение Данте идет полным ходом в Англии, Германии, Франции и Америке, и выдающиеся литературные представители этих стран способствуют лучшему пониманию творчества поэта. Для изучения «Божественной Комедии» основано много обществ, о ней читаются рефераты и лекции, печатаются на всех языках ее переводы. В числе французских переводов «Божественной Комедии» отметим перевод в прозе Ламене и в стихах – Ратисбонна. Особенно много переводов поэмы в Германии: между ними выдаются переводы Витте, Каннегиссера, Штрекфуса, Копиша, Филалета (короля Саксонии Иоанна), и другие. В Англии имеются, между прочим, прекрасные переводы Кери и Райта, у нас, в России, было сделано несколько попыток перевести «Божественную Комедию», но до сих пор нет полного перевода поэмы, а переведен один только «Ад». Первый по времени перевод в прозе – Фан-Дима, именно в 1843 году, затем, в 1855 году, перевод в стихах Мина, очень добросовестный, но теперь уже несколько устаревший, и, наконец, переводы Минаева и Петрова в стихах и Зарудного – в прозе.

Живопись, скульптура и музыка тоже вдохновлялись поэмой Данте. Такие художники, как Микеланджело, Рафаэль, Перуджино, Ари Шефер и другие брали темы из нее. Ферраци насчитывает более 120 произведений живописи и скульптуры, созданных на основе «Божественной Комедии»; а из музыкальных произведений, вдохновленных ею, укажем на известную симфонию Листа «Божественная Комедия».

Как все великие поэты Данте соединял в себе два элемента: общечеловеческий и национальный. Это соединение является в полном блеске в бессмертной его поэме. От этого она – достояние всех времен и народов; от этого благоговейное уважение к ней и к ее творцу увеличивается с каждым днем и исходит от лиц самых различных умственных категорий, начиная, например, таким философом, как Шеллинг, и кончая такими поэтами, как Байрон и Гюго. Само собой разумеется, что и в порицателях великого творца «Божественной Комедии» не было недостатка, – укажем хотя бы на Вольтера; но ведь как же он отзывался и о Шекспире!

Данте выражал дух целого народа; он не шел за своим веком, а вел век за собой, освещая, наставляя и исправляя его. Последний и высший результат жизни поэта, высшее поэтическое выражение итальянских Средних веков вообще – «Божественная Комедия». Именем Данте полна итальянская литература; образ его владычествует над его временем и над следующими поколениями. Необычайно величаво возвышается перед нами мрачная по наружности, но изумительно мягкая и любящая на самом деле фигура «сурового флорентийца», – и слава его, пройдя через шесть веков, не только не померкла, но блеск ее становится все сильнее и ярче.

notes

Примечания

1

«Сокровище» и «Малое сокровище» (ит.)

2

«Утешение философией» (лат.)

З

безумная любовь (ит.)